

**РЕФОРМИРОВАНИЕ СИСТЕМЫ
ПРАВОВЫХ АРХЕТИПОВ
В ПАНДЕМИЙНЫЙ
И ПОСТПАНДЕЙМИЙНЫЙ
ПЕРИОД**

Министерство науки и высшего образования
Российской Федерации

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Владивостокский государственный университет»

**РЕФОРМИРОВАНИЕ СИСТЕМЫ
ПРАВОВЫХ АРХЕТИПОВ
В ПАНДЕМИЙНЫЙ
И ПОСТПАНДЕМИЙНЫЙ ПЕРИОД**

Монография

Под общей редакцией О.И. Мирошниченко

Владивосток
Издательство ВВГУ
2023

УДК 316
ББК 67.0
Р45

Рецензенты: *А.М. Иванов*, канд. юрид. наук, доцент кафедры теории и истории государства права, Юридическая школа ДВФУ;
В.П. Штыков, канд. юрид. наук, доцент кафедры гражданского права и процесса, Юридическая школа ДВФУ
А.Ю. Мамычев, д-р полит. наук, канд. юрид. наук, МГУ им. М.В. Ломоносова

Р45 Реформирование системы правовых архетипов в пандемийный и постпандемийный период: монография / под общ. ред. О.И. Мирошниченко; Владивостокский государственный университет. – Владивосток: Изд-во ВВГУ, 2023. – 128 с.

ISBN 978-5-9736-0702-9 DOI: <https://doi.org/10.24866/0702-9-2023>

В настоящем исследовании авторы рассуждают о дуальных противоречиях, свойственных европейской и западной культурам, особенно обострившимся в период распространения вируса COVID-19. Делается вывод о том, что классическая демократия как политическое равенство и равенство гражданских прав становится нефункциональной в настоящее время. Цифровая же демократия, предлагающая огромное количество возможностей, интеграцию населения в управление через повсеместный доступ к информации, становится губительной в ситуациях, когда государству необходимо подключить жесткие авторитарные механизмы. Авторы полагают, что в определенных условиях инструментарий цифровой демократии может играть негативную роль, в частности, речь идет о том, что в западных обществах то, что именуется авторами «медиа вирусом», – результат излишней информатизации и свободы слова – становится даже более опасным, чем его биологический двойник.

УДК 316
ББК 67.0

Авторский коллектив: *О.И. Мирошниченко* (главы 1, 2, общая редакция), *А.В. Дьяконова*, *А.Ю. Мамычев*, *О.И. Мирошниченко*, *А.Д. Уханов* (глава 3)

ISBN 978-5-9736-0702-9

© Авторский коллектив, текст, 2023

© ФГБОУ ВО «Владивостокский государственный университет», издание, оформление, 2023

ВВЕДЕНИЕ

Конец XX и начало XXI века заставили нас почти поверить в то, что технологизация общественной жизни неизбежно приведет научный мир к нивелированию таких «чисто теоретических» понятий, как «правовая культура», «правовой архетип» и т.д. Но последние события показали, что в критические моменты развития именно ментально-архетипическая составляющая человеческой психики выходит на первый план и предопределяет поведение, в том числе и в правовой сфере. Поэтому авторы настоящей монографии решили еще раз порассуждать о сущности правовой культуры, роли правового архетипа как ее фундаментализирующей составляющей и о том, как они влияют на развитие постпандемийного мира.

В заключительную третью главу монографии «Социокультурное кодирование политической динамики и общественного согласия в цифровую эпоху» – вошли доклады, раскрывающие тему монографического исследования, подготовленные по результатам научных исследований при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации и Экспертного института социальных исследований.

Глава 1. ПРАВОВОЙ АРХЕТИП И ЕГО МЕСТО В ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЕ ОБЩЕСТВА*

Итак, начнем с общей характеристики правовой культуры и ее структуризации.

1.1. Научно-методологические основы исследования правовой культуры

Термин правовая культура относится к устоявшимся, можно сказать, общеупотребительным в юридической науке. Однако, несмотря на основательную изученность и активное использование и в учебной и в научной литературе, однозначного понимания этого явления в науке нет. Значение термина продолжает оставаться достаточно неопределенным. При этом значимость категории сложно переоценить. Известный американский правовед Л. Фридман считает, что правовая культура в некотором смысле и является тем, что движет правовым процессом. «Мы говорим о правовой культуре постоянно, ничего практически не зная о ней. Это барометр общественной жизни, являющийся одновременно и общественной силой, которая определяет, как часто тот или иной закон применяется или нарушается

---

* Исследование выполнено при поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации и Экспертного института социальных исследований № FZUG-2022-013 «Социокультурное кодирование политической динамики и общественного согласия в цифровую эпоху: модели и технологии реализации».

на практике, как его избегают или как им злоупотребляют. Правовая система без правовой культуры не действует»¹.

Для начала представляется разумным определить объем и содержание исследуемой категории, характерные как для отечественной, так и для зарубежной правовой науки.

Долгое время отечественными правоведами правовая культура рассматривалась как чисто прикладное понятие, зависящее исключительно от экономики и господствующей идеологии. Отход от имевших место в советской юриспруденции четких установок, попытка сущностного (аксиологического) осмысления данного явления привели к появлению множества альтернативных вариантов понимания правовой культуры.

Все имеющиеся на современном этапе в отечественной и зарубежной науке подходы к культуре в целом и правовой культуре в частности представляется возможным свести к трем основным группам: антропологические, социологические и философские.

В самом общем виде антропологический подход определяет культуру как совокупность всех благ, в отличие от природных. Социологический – как сумму духовных ценностей. Философский же, конкретизируя правовую культуру, понимает под ней аналитическое явление, не связанное напрямую с общественным развитием, так называемую сущую «идею», которая, расширяя границы человеческой жизнедеятельности, позволяет ему через сознательную деятельность саморазвиваться для достижения определенной максимы и приближения к идеалу – культуре.

Указанные три направления дифференциации правовой культуры позволяют выделить как минимум пять доминирующих в отечественной правовой науке методологических подходов к указанному явлению.

---

¹ Фридмен Л. Введение в Американское право. Москва, 1992. С. 11.

Например, правовая культура с точки зрения антропологического (деятельностного) подхода, – это специфический способ человеческого бытия в сфере права, созданный людьми специфический способ социального управления, который заключается в целенаправленном воздействии на поведение индивидов с целью достижения порядка и стабильности в государстве и обществе. В процессе взаимодействия субъектов создается эталон поведения в виде правовых норм и существует в форме социального взаимодействия, воспроизводящего старые и продуцирующие новые эталоны правового поведения². Основное внимание уделяется видам юридической деятельности, под которой в науке принято понимать трудовую, управленческую, государственно-властную деятельность компетентных органов в сфере права, нацеленную на выполнение общественных задач и функций (создание законов, осуществление правосудия, конкретизация права и т.п.) и удовлетворение тем самым как общественных, групповых, так и индивидуальных потребностей и интересов³. Одна из ярких представителей деятельностного подхода Н.Л. Гранат определяет правовую культуру как вид творческой деятельности: «это не только результат, но и способ деятельности, и в этом смысле духовная правовая культура понимается как образ мышления, нормы и стандарты поведения, а применительно к личности выражается в ее менталитете»⁴.

Необходимо отметить, что несмотря на безусловную значимость и прогрессивность данного подхода, он в некотором смысле однокбок, так как достаточно «сиюминутен».

---

² Кудрявцев В.Н., Лукашева Е.А. Социалистическое правовое государство // Коммунист. 1988. № 11. С. 5–24.

³ Карташов В.Н. Юридическая деятельность: понятие, структура, ценность / под ред. Н.И. Матузова. Саратов, 1989. С. 31.

⁴ Гранат Н.Л., Панасюк В.В. Правосознание и правовая культура // Юрист. 1998. № 11/12. С. 3.

Его сторонники не могут ответить на простые вопросы о том, как конкретизировать некоего абстрактного индивида, который и осуществляет ту самую правовую деятельность и соответственно является субъектом-носителем правовой культуры при таком типе анализа.

Правовая культура в контексте юридино-социологического понимания рассматривается на двух уровнях: как характеристика правового развития общества на определенном этапе функционирования и как качественная характеристика восприятия права и правового поведения отдельной личностью. Е.О. Аграновская так определяет правовую культуру: «... это не только высокий уровень юридического мышления, но и столь же высокое качество всей юридической деятельности»⁵.

Социологическое направление весьма актуально для современной правовой науки, так как позволяет учитывать социокультурную обусловленность права, а исследования в его рамках имеют, как правило, междисциплинарный характер. Основной акцент при таком подходе делается на понятии ценности, на поиске социальных закономерностей, зависимости правовой культуры личности от правовой культуры общества в целом.

Так, один из известных представителей данного направления, А.П. Семитко представляет правовую культуру в качестве «обусловленного социально-экономическим и политическим строем качественного состояния правовой жизни общества»⁶. Одним из пионеров социологического подхода можно считать известного советского и россий-

---

⁵ Аграновская Е.В. О понятии и компонентах правовой культуры личности // Право и правотворчество: Вопросы теории. 1982. С. 81.

⁶ Семитко А.П. Правовая культура социалистического общества: сущность, противоречия и прогресс: монография. Свердловск, 1990. С. 28.

ского правоведа С.С. Алексеева, который, определяя правовую культуру как «юридическое богатство», говорит о ее сущности: «Правовая культура – это обусловленное всем социальным, духовным, политическим и экономическим строем качественное состояние правовой жизни общества, выражающееся в достигнутом уровне развития правовой деятельности, юридических актов, правосознания и в целом в уровне правового развития субъекта (человека, различных групп, всего населения), а также степени гарантированности государством и гражданским обществом свобод и прав человека»⁷. Надо отметить, что представители данного подхода искренне уверены в том, что повышение уровня правовой культуры повлечет за собой повышение общекультурного уровня. С.С. Алексеев предлагает утвердить реализацию начал демократизации, свободу, высокую организованность распределения прав и обязанностей, строгий порядок и ответственность, гарантированность прав и свобод личности и т.д., полагая, что искусственное движение в этом направлении вызовет резкий реальный качественный скачок всей правовой и в финале общекультурной жизни общества⁸.

Наряду с понятием «правовая культура» профессор С.С. Алексеев выделяет также понятие «культура права», которое «призвано выразить ту существенную особенность данного участка правовой действительности, которая раскрывает своеобразие права с философской стороны (и в этом попытка совмещения социологического подхода с философским, правда, по мнению большинства критиков, неудавшаяся) – его черты как бытия разума, институционального образования, призванного аккумулировать, вы-

---

⁷ Теория государства и права / под общ. ред. С.С. Алексеева. Москва, 2004. С. 171.

⁸ Алексеев С.С. Право: азбука – теория – философия. Опыт комплексного исследования. Москва, 1999. С. 267–271.

ражать в концентрированном виде интеллектуальные ценности в области регулирования внешних, практических отношений»⁹. Он развивает теорию о «чистом праве как бытии разума»¹⁰ и приходит к выводу о том, что чистое право следует рассматривать в соотношении с теми правовыми явлениями, которые продиктованы окружающей действительностью (политическим, экономическим опытом). Категории чистого права рассматриваются в этом случае как «естественная основа», определяющая дух права, его основополагающие начала¹¹.

Безусловной значимостью в контексте данного исследования обладает ценностный (аксиологический) подход, который включает в правовую культуру лишь то, что является благом для конкретного общества, более того, благом правовым. Как справедливо отмечает Н.Н. Вопленко, с определенной точки зрения правовая культура общества есть процесс и результат творчества человека в сфере права, характеризующийся созданием и утверждением в жизни правовых ценностей¹². Забегая вперед, следует оговориться, что при всей безусловной актуальности и значимости этого подхода, он, как правило, оставляет открытым вопрос о том, что же считать правовой ценностью, правовым благом. Ценностные критерии либо вообще не формулируются представителями данного подхода, либо формулируются весьма расплывчато.

Так, Г.И. Балюк определяет правовую культуру как «совокупность всех ценностей, которые создаются людьми

---

⁹ Алексеев С.С. Право: азбука – теория – философия. Опыт комплексного исследования. Москва, 1999. С. 271.

¹⁰ Там же. С. 575.

¹¹ Там же. С. 596.

¹² Вопленко Н.Н. Правовая культура современной России // Правовая культура в России на рубеже столетий: матер. Всероссийской научно-теоретич. конф. Волгоград, 2001. С. 5.

в области права»¹³, В.П. Сальников – как явление, которое «объединяет в себе все прогрессивные ценности, созданные людьми в области права»¹⁴. Нетрудно заметить общую составляющую упомянутых цитат – во всех есть указание на ценность, но нет ее определения.

Вопрос о понимании ценности в принципе относится к разряду междисциплинарных. Самым простым вариантом было бы сведение ценности к банальному потребительству, чем славятся представители натуралистического подхода. Общий анализ аксиологической литературы приводит к любопытному выводу – четкое понятие ценности не дается наиболее видными представителями этой науки. Они обуславливают это тем, что абстрактное сведение ценности к объекту реальности обесценивает ее. Так, социолог Э. Гуссерль и вовсе говорит о том, что ценность – понятие в принципе не научное, а описательное. Более подробный анализ ценностной составляющей правовой культуры будет дан в следующем параграфе нашего исследования. Сейчас же мы предлагаем, не углубляясь пока в аксиологию и философию, для характеристики анализируемого подхода к пониманию правовой культуры использовать понятие ценности психолога М. Рокича, предложившего определять ценности как глубокие убеждения, которые определяют действия и суждения в различных ситуациях. Он же дает понятие так называемой ценностной ориентации, которую мы и предлагаем взять за основу при последующем анализе правовой культуры.

Ценностные ориентации характеризуют направленность субъекта на аксиологическую реальность и определяют силу личностного стремления к цели, мотиви-

---

¹³ Балюк Г.И. Взаимосвязь правовой культуры и социалистической демократии. Киев, 1984. С. 6.

¹⁴ Сальников В.П., Каплунов А.И. Правовая культура сотрудников органов внутренних дел. Санкт-Петербург, 2004. С. 18.

рованный выбор действий, согласно идеалам и личностно значимым явлениям¹⁵. Фактически индивид не способен выработать для самого себя уникальную систему ценностей. Человек, живущий в обществе и социализирующийся в нем, в любом случае является его частью, а его система ценностей, так или иначе, основана на системе ценностей именно этого общества. Даже в случае если индивид отрицает ценности общества, в котором существует, само его отрицание строится и базируется именно на первичных ценностях этого общества. Другими словами, чтобы было что отрицать или поддерживать, это что-то должно существовать. И это что-то – общественные ценности. Таким образом, система ценностей индивида априори будет базироваться на так называемой «памяти предков». Следовательно, система ценностных ориентаций конкретного человека будет составлять лишь индивидуализированную комбинацию общезначимых ценностей. Таким образом, через данное понятие мы приходим к необходимой рефлексии: субъект осуществляет акт поведения, в частности правового, осознанно, в соответствии с разделяемыми им ценностными установками. Как следствие, понятие правовой культуры как набора правовых ценностных ориентаций из плоскости чисто теоретического переходит в прикладную, непосредственно регулирующую правовое поведение, ведь, по меткому выражению К.В. Арановского, – «...чтобы выстроить поведение, человеку нужен смысл – смысл притягивает его»¹⁶. Ценностные ориентации и сыграют роль смысла в данном случае.

---

¹⁵ Зеленев Е.В. Понятие «ценность» и становление ценностно-смысловых ориентаций старшеклассников, занимающихся художественно-эстетической деятельностью. URL: http://pravmisl.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=2100.

¹⁶ Арановский К.В. Конституционная традиция в российской среде. Санкт-Петербург, 2003. С. 35.

Одной из более поздних вариаций ценностной концепции является суммативный подход, предлагающий включить в содержание правовой культуры не только так называемые «позитивные» ценности, но и юридические явления, обладающие сомнительным статусом – такие как правовая нигилизм, преступность и т.д. (сомнение вызывает их возможность положительно влиять на общество). Автор наиболее полного монографического исследования по правовой культуре, профессор Л.А. Петручак считает такой подход излишне противоречивым и говорит о том, что правовая культура может включать в себя лишь продуктивно-позитивный пласт правовой жизни отдельных людей, социальных групп и общества в целом, где под ценностями понимаются только позитивные, прогрессивные явления и процессы¹⁷. Иначе, по мнению Л.А. Петручак, мы рискуем, во-первых, соединить правовую надстройку с правовой культурой, создав терминологическую путаницу, а, во-вторых, включить в правовую культуру явления, противоречащие прогрессивно-правовому развитию общества, тем самым дискредитировав само понятие культуры как положительного явления. Л.А. Петручак предлагает остановиться на классическом ценностном подходе, предлагаемом профессором В.Н. Карташовым, и дополнительном утверждении в науке сравнительно недавно появившегося термина «правовая антикультура», включающего в себя «совокупность юридических анти ценностей, образующих деструктивный пласт правосознания и юридической деятельности отдельных людей, социальных групп и общества в целом»¹⁸.

---

¹⁷ Петручак Л.А. Правовая культура современной России: теоретико-правовое исследование: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. URL: <http://dissers.ru/avtoreferati-doktorskih-dissertatsii/1/a128.php> (дата обращения: 01.06.2023)

¹⁸ Карташов В.Н. Теория правовой системы общества: учеб. пособие. В 2-х т. Ярославль, 2006. Т. 2. С. 102–103.

Позволим себе согласиться с автором, но с одной значимой оговоркой – необходимо четко определить критерии определения ценностей конкретного общества. Иначе мы рискуем включить в понятие антикультуры то, что в действительности имеет важное положительное значение для конкретного общества. Мы предлагаем, и это будет более подробно проанализировано в следующих разделах исследования, – отойти от западноевропейских стандартов категоричного определения правовой ценности и анализировать указанное явление с точки зрения уникального рельефа и стиля общей культуры конкретного народа. Так, например, правовой нигилизм российского общества, так широко критикуемый в последние 20 лет, на наш взгляд, не что иное как индивидуально-русское неприятие западноевропейских ценностных правовых стандартов. И нужно не бороться с правовым нигилизмом как составляющей антикультуры, а разобраться с уникальной базовой культурной доминантой российского общества и сделать ее основой для всей системы правовых ценностей. Это подтверждают и известные российские правоведы А.В. Поляков и Е.В. Тимошина, так характеризующие российский правовой нигилизм: «Действительно, российская правовая действительность дает достаточно поводов, чтобы увидеть в ней подчас и неуважение к закону, и пренебрежительное отношение к праву. Но, строго говоря, это свидетельствует не столько о правовом нигилизме (отрицании ценностного значения права), сколько о своеобразном «инструментальном» подходе к нему, т.е. понимании его как одного из многих средств, для достижения каких-либо целей, набор которых варьируется в зависимости от конкретных жизненных обстоятельств. Поэтому хотя российское общественное правосознание существенно отличается от западного,

характеризовать его как исключительно нигилистическое было бы неверно»¹⁹.

И, наконец, последняя концепция, которую мы охарактеризуем достаточно подробно – семиотическая. Поскольку правовая реальность во многом проявляется вовне как знаковая, символическая система, которая несет определенный условный смысл, зависящий от ценностных ориентации взаимодействующих субъектов, становится необходимым исследование правовой культуры с помощью методов семиотики. В основу данного подхода положена теория знаковых систем. Несомненным плюсом этой концепции является ее попытка определить правовую культуру как комплекс так называемой «правовой информации», состоящей из «предметов-знаков». Смыслы, которые скрываются за предметами-знаками, могут быть трех видов:

- знания (информация о свойствах и отношениях объектов);
- ценности (то, что является или может явиться средством удовлетворения человеческих потребностей);
- регулятивы (программы деятельности, ведущие человека к достижению определенной цели)²⁰.

То есть «заклученная в текстах правовой культуры социально значимая информация предстает как совокупный исторически развивающийся опыт правового общения, в текстуальной (знаковой) форме передаваемый последующим поколениям»²¹. Такая культурно-лингвистическая трактовка понятия правового текста позволяет обратить внимание на гигантский культурный пласт тех архетипических

---

¹⁹ Поляков А.В., Тимошина Е.В. Общая теория права. Санкт-Петербург, 2005. С. 167.

²⁰ Клейменова Е.В. Правовая культура и ее стандарты в конституциях Российской Федерации // Правоведение. 2003. №1 (50-56). С. 50–51.

²¹ Поляков А.В., Тимошина Е.В. Указ. соч. С. 189.

форм, на которые веками наслаивались обычаи и стандарты поведения, создавая фундамент правовой реальности.

Таким образом, семиотическая концепция учитывает как базовые ценности, определяющие направления развития правовой культуры, так и так называемые правовые субкультуры, которые всегда существуют наряду с базовыми, зачастую вступая с ними в противоречия. Тем самым преодолевается основное противоречие деятельностного подхода. Представители семиотической концепции не исключают из ареала правовой культуры и отрицательные ценности, говоря о том, что они также имеют социальное значения, но находятся как бы на «периферии» правовой культуры²². Но надо отметить, что анализируемый вариант семиотического подхода, предложенный профессором Поляковым, во многом преодолевает фактическую узость исходной концепции, – ведь изначально представители этого направления неоправданно сужали феномен правовой культуры, сводя его лишь к информационной составляющей и игнорируя те регулятивы, которые находятся вне информационного поля, на бессознательном и ментальном психическом уровнях.

Выделяют также лингвистический, психологический, системный (интегральный) и иные подходы к правовой культуре.

Зарубежная правовая наука также не отличается четко определенным пониманием исследуемой категории. Итальянский профессор Дэвид Нелькен предлагает считать правовую культуру набором более или менее стабильных моделей поведения и взаимоотношений в правовой сфере. Он же говорит о том, что правовая культура, как и культура в принципе, отображает в большей степени то, что мы собой представляем вообще, а не только то, какие поступки мы

---

²² Поляков А.В., Тимошина Е.В. Указ. соч. С. 189.

совершаем. В качестве наглядного примера итальянский ученый предлагает сравнить способы перехода улицы в различных европейских государствах. Так, в Великобритании пешеход более или менее в безопасности, если он переходит дорогу по переходу, и наоборот в любом другом месте. В Италии степень безопасности, по мнению профессора, зависит исключительно от добропорядочности водителя, но отнюдь не от места перехода. В Германии, переходя улицу по «зебре», можно смело закрыть глаза, опасности НЕТ. Таким образом, итальянский ученый говорит о том, что правовая культура – это не только позитивное право, но в большей степени его оценочное осмысление обществом²³.

Еще Гегель, не упоминая напрямую в своих трудах термина «правовая культура», анализирует ее на предмет соотношения в ней сущего и должного. Напомним, предметом гегелевской философии права является идея права, то есть понятие права и его осуществление²⁴. «Законы природы абсолютны и имеют силу так, как они есть. Чтобы знать, в чем состоят законы природы, мы должны постигнуть природу, ибо эти законы верны, ложными могут быть лишь наши представления о них. Мерило этих законов находится вне нас, и наше познание ничего им не прибавляет, ничего не способствует им: глубже может стать только наше познание их. Знание права, с одной стороны, такое же, с другой – иное. Мы узнаем эти законы такими, какие они есть. Различие состоит в том, что при изучении правовых законов действует дух рассмотрения и уже само различие законов заставляет обратить внимание на то, что они не абсолютны. Правовые законы – это законы, идущие от лю-

---

²³ David Nelken. Using the concept of legal culture. URL: <http://escholarship.org/uc/item/7dk1j7hm#page-1>

²⁴ Гегель Г.В.Ф. Философия права / пер. с нем.: ред. и сост.: Д.А. Керимов и В.С. Нерсесянц. Москва, 1990. С. 59.

дей. Внутренний голос может либо вступить с ними в коллизию, либо согласиться с ними»²⁵. Таким образом, законы природы абсолютны, а законы права относительны. Следовательно, к правовым предписаниям человек относится всегда оценочно: «Человек не останавливается на налично существе, а утверждает, что внутри себя обладает масштабом правового: он может подчиниться необходимости и власти внешнего авторитета, но никогда не подчинится им так, как необходимости природы, ибо внутренняя его сущность всегда говорит ему, как должно быть, и он в самом себе находит подтверждение того, что имеет силу закона»²⁶. Таким образом, правовая культура, по мнению немецкого философа, имеет как духовную составляющую – представления о должном членов общества, так и вполне материальную – позитивное право, творимое государством. И правовая реальность при таком подходе в ее наличном виде является квинтэссенцией оценки индивидом действующего законодательства и его представлений о должном. Со своей стороны добавим, что Гегель абсолютизировал и унифицировал законы, мы же считаем, что критерий разумности основывается на понимании свободы и справедливости, индивидуальных для каждого общества.

В современной зарубежной правовой науке существуют и крайне категоричные, весьма спорные подходы к определению правовой культуры. Так, бельгийский правовед, представитель коммуникативного направления, Марк ван Хук предлагает считать правовую культуру культурой юристов как профессиональной группы. «Когда мы говорим о правовой культуре, – пишет профессор Марк ван Хук, – мы обычно представляем себе традиции, ценности, мировоззрения и привычки, которые господствуют в про-

---

²⁵ Гегель Г.В.Ф. Философия права / пер. с нем.: ред. и сост.: Д.А. Керимов и В.С. Нерсесянц. Москва, 1990. С. 57.

²⁶ Там же.

фессиональной правовой среде или среди юристов вообще (внутренняя правовая культура)»²⁷. Применительно к обществу в целом он использует термин «внешняя правовая культура» и считает, что общественная правовая культура является вторичной по отношению к внутренней, профессиональной и формируется на ее основе.

Для отечественной правовой науки такой подход нехарактерен. В отечественной юриспруденции традиционно выделялись правовая культура общества и правовая культура личности (иногда обособляли групповую правовую культуру). Более того, большая часть исследований по правовой культуре – это характеристика правовой культуры общества. То, что профессор Марк ван Хук называет внутренней правовой культурой и чему придает определяющее значение, в российской правовой науке принято называть профессиональной правовой культурой и определять лишь как одну из разновидностей групповой.

Нам представляется более перспективным остановиться на «широком» понимании, характеризующем правовую культуру как характеристику общества в целом. При всем уважении к бельгийскому профессору, «узкое» наполнение термина правовая культура (лишь как культура юристов-профессионалов) видится неплодотворным как с познавательной, так и с прикладной точек зрения, так как «личность, – по словам Т.В. Синюковой, – служит закономерным носителем ценностей правовой культуры общества»²⁸, что позволяет признать некоторую первичность целого перед единичным в данном случае. Не говоря уже о том, что «отдать» пальму первенства в наполнении категории пра-

---

²⁷ Марк ван Хук. Право как коммуникация. Санкт-Петербург, 2012. С. 84.

²⁸ Синюкова Т.В. Правовая культура: понятие, структура, соотношение национального и общечеловеческого // Правовая культура. 2009. № 2 (7). С. 15.

вовой культуры юристам и таким образом признать, что правовая составляющая общей культуры – лишь «внешняя» ее оболочка, а содержательная составляющая – привилегия лишь профессионалов-юристов, по нашему мнению, по меньшей мере немного высокомерно. Плюс такое понимание правовой культуры, на наш взгляд, может привести к признанию права прикладной, технической категорией, продуктом юридической деятельности. И право будет сведено в итоге к некоей регулятивной машине, «станку» для юристов-профессионалов, «штампующих» единообразные юридические формы из весьма разнообразного материала человеческого поведения. Право превратится в технико-юридический агрегат, преимущественно оформительного порядка, призванный в основном более или менее адекватно (опять же, с точки зрения юристов-профессионалов) с формальной стороны закреплять решения деловых проблем.

В контексте анализируемого мнения будет любопытно обратиться к небольшому этимологическому эксперименту, проведенному английским правоведом Питером Сэком при сравнительном анализе подходов к пониманию правовой культуры и ее составляющих некоторыми европейскими и американскими правоведами. Автор иронично говорит о том, что само слово *law* синонимизируется в английском языке со словом *rule* или *rule of law*, этимологически происходящим от глагола *to rule* – править. Немецкий же аналог нормы права звучит как *recht*, в переводе означающий право человека и происходящий от глагола *regel* – регулировать. Таким образом, автор обращает внимание исследователя на разность в глубинном понимании права как явления еще на стадии лингвистического оформления понятия²⁹.

---

²⁹ Peter G. Sack. *Law and Custom: Reflections on the Relations between English law and the English Language*. URL: <http://kul.kiev.ua/doc/ComparativeLegalCultures.pdf>

Все вышесказанное приводит нас к базовой культурной доминанте конкретного общества, которая и формирует его правовую культуру как цельную категорию. Ведь язык – это часть культуры. Словами, выражениями оформляется то, что уже закрепилось в сознании, получило социокультурное подтверждение. Принимая этот момент во внимание, становится понятным, почему профессор Марк ван Хук, как истинный представитель своего общества, отдает первенство в формировании правовой культуры юристам, и то, почему правовая культура, как и право в принципе так по-разному понимается в разных обществах. Во многих западных государствах право – действительно феномен формализованный и на современном этапе весьма оторванный от философско-ментальных идеалов. Подход к пониманию правовой культуры при таком раскладе весьма технический. Налицо приоритет процессуального права, индивидуализация права как явления посредством признания судебного прецедента источником права в государствах англо-саксонской правовой семьи. Мы склонны согласиться с М.К. Сигаловым, который высказывает мнение о существующих различиях в правовой идеологии романо-германской и англо-саксонской правовых культур: «Правовая идеология романо-германского права предполагает принцип коллективизма («гражданин есть часть общества»). Из этого следует, что права гражданина должны подчиняться интересам общества... В идеологии англо-американского права подразумевается принцип индивидуализма («общество есть совокупность индивидов»), считается, что права гражданина должны охраняться, даже если это причиняет ущерб обществу»³⁰. Защита интересов индивида и приоритет принципа самособственности (self-ownership)

---

³⁰ Сигалов М.К. Общее и особенное в западноевропейской и мусульманской правовой культуре: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2006. С. 124–125.

реализуется в реальном приоритете процессуальной составляющей над материальным правом и, как следствие, формализации правовой культуры общества.

Надо сказать, что теория и философия права как науки в принципе куда менее престижны в правовых системах-представителях англо-саксонской правовой семьи. На наш взгляд, именно благодаря описанному выше «инструментальному» взгляду на право. Тем не менее, многие представители сообщества ученых и в этих государствах предлагают взглянуть на право, как на часть культуры. Так, Наоми Мези, профессор права из Университета Джорджии, говорит о том, что, безусловно, гораздо проще посчитать право антиподом культуры. Ведь право – совокупность четко очерченных, формально определенных норм, установленных законодательством, юридических прецедентов и иных форм *четкого* установления порядка, а культура, по мнению автора, понятие весьма неопределенное. Но, тем не менее, право мыслится, понимается и, главное, реализуется на практике, только являясь органичной частью общей культуры и взаимодействуя с неправовыми ее составляющими³¹.

Действительно, забыв о том, что в социальном мире всегда встречается то, что не укладывается в стереотипные логические формы, не поддается слепому прогнозированию и не подчиняется позитивным законам, какой бы мощной силой принуждения они ни обладали, мы никогда не вернем правовому регулированию его эффективность. Здесь методологически оправданным будет использование введенной С.Л. Франком формулы познания любого общественного явления. По мнению ученого, общественное явление – это «объективная, сущая идея», познать которую сугубо объективно невозможно, необходимо духовно сопереживать, со-

---

³¹ Naomi Mezey. Law as Culture. URL: <http://scholarship.law.georgetown.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1310&context=facpub>

участвовать³². Понимание того, что правовое явление – суть явление общественное, порожденное социокультурной реальностью, приводит к необходимости включения в категорию правовой культуры духовных, оценочных, интуитивно-архетипических компонентов, не поддающихся рациональному освоению (да и не нуждающихся в нем). И тем не менее за счет включения их в контекст культуры, в данном случае правовой, мы достигаем необходимого результата – признаем наличие в правовой культуре внерационального интуитивного уровня, ответственного за оценку и интуитивное принятие-непринятие позитивного права.

Формализация права как явления в какой-то момент привела к снижению его эффективности как регулятора общественных отношений в Западной Европе, что не могло не повлечь за собой кризис авторитета государства и позитивного права. Еще в конце XX века О. Тоффлером этот кризис был предсказан и им же был предложен способ выхода из него. Так, ученый утверждал, что в будущем все повседневные сиюминутные правовые решения будут приниматься, сообразуясь не с общими стандартами, зафиксированными нормативно-правовыми актами или прецедентными решениями, а с внутренними императивами ситуаций, в которые вовлечены группы и входящие в них индивиды. Таким образом, любое решение будет приниматься для конкретного случая, оно будет неповторимо в той же мере, в какой неповторима и уникальна сама ситуация. Подобную систему принятия решений О. Тоффлер назвал охлократией, полагая, что она и будет определять стиль правовой жизни информационного общества XXI века. Свободное соглашение и договор станут, по мнению ученого, основой межгрупповых отношений, исчезнет слой профессиональных юристов, появятся самодеятельные формы су-

---

³² Франк С.Л. Духовные основы общества. Москва, 1992. С. 317, 319.

допроизводства, третейства, посредничества в спорах. Таким образом, правовая культура, по мнению западного футуролога, станет продуктом всего общества, более того, сольется с общей культурой и будет ее предопределять³³.

На наш взгляд, при несомненной оригинальности подхода, он все-таки является излишне футуристичным и маловероятным. В следующих разделах исследования мы будем говорить о том, что считаем реальной правовой культурой лишь квинтэссенцию народной и государственной ее составляющих, поэтому выкидывать из этой категории ее наиболее упорядоченную и систематизированную часть по меньшей мере неразумно. Да, кризис позитивного права налицо, но попытка выхода из кризиса путем уничтожения его объекта видится малопродуктивной. Более реализуемым и действенным будет, на наш взгляд, вспомнить рассуждения Г. Харта о том, как опасно разрывать право и мораль, а также культурно-нормативную концепцию Т. Парсонса, согласно которой правовая связь субъектов обусловлена приоритетом культурных ценностей, и вернуть праву его духовную составляющую. По трактовке культуры, данной английским антропологом Э. Тайлором и считающейся классической: «культура слагается из знаний, верований... законов, обычаев... усвоенных человеком как членом общества»³⁴. А право есть лишь часть культуры, одна из ее сторон, один из ее элементов, который содержит определенные ценности и помогает, в конечном итоге, регулировать общественные отношения, на базе представлений конкретного общества о справедливом и несправедливом, такими способами, которые характерны, опять же, именно для этого общества. Никаким внешним воздействием не компенсировать внутренней убежденности в правильности, необходимости нормы или пос-

---

³³ Toffler O. The Future of Law and Order. Ecounter. Vol. 41. July 1973. № 1. P. 3–23.

³⁴ Тайлор, Э. Первобытная культура. Москва, 1989. С. 18.

тупка. Еще Сократ в диалоге с Калликлом говорил: «Порядок и слаженность в душе надо называть «законностью» и «законом», через них становятся люди почтительными к законам и порядочными»³⁵. И такую душевную слаженность необходимо считать важнейшей частью правовой культуры, ее наполнением, ее базовой доминантной составляющей, а не неким «придатком» к позитивному правотворчеству.

Таким образом, понимание и наполнение исследуемой категории напрямую зависит от общей культуры конкретного общества. Следствием непонимания указанного утверждения становятся различные инсинуации на тему правовой культуры, при которых из ее состава исключается духовная, культурная составляющая, тем самым во многом лишая право его социокультурного духа.

Упорядочить вышеуказанное многообразие, по нашему мнению, мог бы философско-антропологический подход. Представители юридической антропологии выделяют два основных подхода к соотношению права и культуры – универсалистский и релятивистский. В первом случае право понимается как универсальная субстанция, возникшая на определенном этапе общественной эволюции, связанная с рациональной деятельностью человеческого разума, определившая упорядоченность социальной жизни и развивающаяся вместе с Обществом в историческом процессе по определенным законам. Во втором – как атрибут Культуры (или этнокультуры), уникальный, практически не изменяющийся в ходе истории. Таким образом, при первом подходе в центре внимания

---

³⁵ Платон. Сочинения. В 4-х т. Т. 3. Ч. 1 / под общ. ред. А.Ф. Loseva и В.Ф. Asmusa; пер. с древне-греч. Санкт-Петербург, 2007. 752 с. URL: <http://pavroz.ru/files/plato3.pdf> (дата обращения: 01.06.2023)

оказывается социум (социальная система), а при втором – конкретная форма его реализации, представленная в чувствах, мыслях, ценностях носителей культуры³⁶.

Но социальная жизнь ни в одном из ее проявлений не может быть исследована с точки зрения чисто рациональных соображений, равно как и с помощью только технических методов и приемов. Предлагаемый нами философско-антропологический подход позволяет соединить указанные направления и рассмотреть правовую культуру с точки зрения интеграции всех ценностей конкретного общества, применив ценностные (аксиологические) параметры для рассмотрения соотношения права и культуры и в равной мере учитывая как объективную (климатические, демографические, экономические факторы), так и субъективную, то есть зависящую от культуры конкретного общества (традиции, особенности социального регулирования) составляющие. Это позволяет учесть с одной стороны преемственность как важнейшее качество культуры (фундаментальные общественные ценности нельзя легко изменить – как правило, это чревато серьезными социальными волнениями), а с другой стороны – динамику общественного развития. Таким образом, предложенная методология позволяет сохранить сущую идею – базовую культурную доминанту конкретного социума (философская составляющая) и таким образом преодолеть некоторую узость семиотической концепции, и в то же время учесть объективные составляющие общественного развития и на их базе сформировать уникальные ценностные критерии для каждого этноса.

---

³⁶ Бочаров В.В. Неписанный закон: Антропология права: научное исследование. 2-е изд. Санкт-Петербург, 2013. С. 120.

1.2. Понятие и структура правовой культуры: философско-антропологический подход

Итак, применение философско-антропологического подхода позволяет нам констатировать, что первоосновой всей нормативной системы общества является базовая культурная модель, выше названная нами культурной доминантой. Лишь затем, по мере усложнения социокультурной реальности, она приобретает ту или иную форму социальной нормативности: или нравственного долга, или религиозной обязанности, или взаимных правовых обязательств. Право и, например, мораль, таким образом, как институты культуры определенного общества, различаются между собой по форме, но частично совпадают по содержанию, которое определяется общими для них культурными ценностями, идеями и установками.

Перед тем как продолжить наши рассуждения, необходимо разобраться, чем же правовая культура при таком подходе отличается от других видов общественной культуры, в частности, политической и нравственной, с которыми ее весьма часто смешивают представители классической научной парадигмы.

Как показал проведенный анализ, в исследованиях авторов, представляющих различные подходы к пониманию правовой культуры, прослеживается определенная тенденция: почти все они выходят на понятие ценности как основной ее содержательной характеристики. Таким образом, основным вопросом становится понятие ценности.

Используя тот же философско-антропологический метод, мы попытаемся доказать, что правовая ценность является лишь разновидностью общекультурной ценности.

Фактически все регуляторы общественных отношений дифференцировались на начальном этапе из единого культурного пласта и на любом этапе развития социума являются

лишь его специфически модифицированным продуктом. К.В. Арановский, рассуждая о связи права и общей культуры и о важности ментальной составляющей конкретного этноса в данном взаимодействии, говорит о том, что сила правовых установлений коренится зачастую не в их интеллектуальном содержании, а в эмоциональной интуитивно-правовой подпочве. «...Последовавшие научные обоснования мало что меняют. Открывая закономерные связи права с экономическим базисом, утилитарной общей пользой или борьбой за выживание, они не заслоняют ясно различимую веру, прежде взятую за основу правопостроений»³⁷.

Таким образом, в процессе эволюции первобытного общества единый культурный пласт, порожденный человеческим разумом и ставший результатом рефлексии, дифференцируется в систему ценностей, на первом этапе являвшихся просто набором стереотипов, придуманных для удобства существования. Модельность, стереотипизация поведения упрощала жизнь, убирая необходимость размышлять над каждой жизненной ситуацией. Такая система «ценностей» на начальном этапе, безусловно, различалась в зависимости от абсолютно объективных факторов – географических, климатических, экономических, так как отличались друг от друга сами жизненные ситуации, возникавшие в этих обществах. В связи с тем, что человеку, как существу разумному, свойственно во всем искать смысл, этот смысл был изначально найден в мифе, позже в религии. «Какой бы ни была степень десакрализации мира, человек, избравший мирской образ жизни, не способен полностью отделаться от религиозного поведения... даже самое что ни на есть мирское существование сохраняет следы религиозных оценок Мира»³⁸.

---

³⁷ Арановский К.В. Конституционная традиция в российской среде Санкт-Петербург, 2003. С. 39.

³⁸ Элиаде М. Священное и мирское/ пер. с фр., предисл. и коммент. Н.К. Гарбовского. Москва, 1994. С. 23, 64.

На настоящем этапе существования общества данная ценностная составляющая является тем самым отражением менталитета, уникального для каждого этноса, представляющего собой «центральную зону» или «ядро» культуры по Эдварду Шилзу. И именно это ядро предопределяет эффективность (либо отсутствие таковой) функционирования любого социального регулятора. Механизм прост: соответствие «ядру культуры» делает правило поведения в любой сфере общественных отношений действенным, несоответствие оставляет его лишь фиктивно существующим, но не работающим фактически. Мы считаем, что данное ценностное ядро будет единым для всех социальных регуляторов общественных отношений, а значит, и для права тоже. Иными словами, правовые ценности будут предопределены самим типом культуры общества и его общекультурными ценностями. Право, мораль, религия как институты культуры определенного общества различаются между собой по форме, но совпадают по базовому содержанию, которое определяется общими для всех культурными ценностями, идеями и установками.

И здесь мы опять упираемся в понятие ценности как философской категории, вводимой для обозначения значимости определенных явлений действительности, возникающих в результате отражения этих явлений субъектом. В.В Ильин утверждает, что «базовое понятие теории ценностей – норма»³⁹. Подчеркнем, норма – это то, что считается естественным для конкретного общества. Не так называемая квазиценность – то, что путем заимствования слепо копируется и насильственно вставляется из другого общества, а именно типичное, естественное, традиционное нормативно-культурное установление конкретного социума. Нормативность в обобщенном виде раскрывается в двух характеристиках:

---

³⁹ Ильин В.В. Аксиология. Москва, 2005. С. 28.

нормальность и *нормированность*. Нормальность означает приемлемость определенных социальных связей (что раскрывается в таких признаках, как естественная необходимость, типичность, распространенность и т.д.), а нормированность социальной материи означает ее упорядоченность, установление моделей типизируемых отношений, рамок, масштабов, мер поведения. Нормированность является следствием моделирующей способности нормативных феноменов и выражается в урегулированности социальной деятельности определенными нормативами⁴⁰.

Это означает, что базовые ценностные постулаты, ориентирующие тот или иной народ на свой особый подход к жизни и ее организации, существенно отличаются от таких же ценностей другого народа. И, следовательно, в зависимости от того, какой фундаментальный принцип цивилизации выделяется как центральный принцип ее социально-правовой организации, мы имеем и разные формы проявления права.

Интересным в данном контексте является следующий момент: классическим под ценностями понимается все то и *только* то, что вызывает к себе положительное отношение, рассматривается как благо, добро, польза, должное. Они представляют собой цели, к которым люди стремятся, и связаны с удовлетворением потребностей людей⁴¹. А что же делать, если люди стремятся к так называемым «плохим» целям? Или то, что является негативной ценностью в одном обществе, является для другого общества объективно позитивным явлением? Например, полигамный брак – явление, вполне естественное для мусульманского общества, но абсолютно неприемлемое для западноевропейского.

---

⁴⁰ Гайворонская Я.В. Концепция нормативности права в отечественном правоведении (советский и постсоветский периоды): дис. ... канд. юрид. наук. Санкт-Петербург, 2001. С. 17.

⁴¹ Неновски Н. Право и ценности. Москва, 1987. С. 25, 29.

И здесь мы предлагаем вернуться к культурологической обусловленности природы ценностей и презюмировать, что «ценности порождаются историческим опытом и одним из важных доказательств их убедительности служит общественное признание»⁴². Философский аспект предложенного нами методологического подхода позволяет вычленить «сущую» абсолютную идею, базовую культурную доминанту, уникальную для каждого общества, которая и позволит антропологической составляющей нашей методологии сформировать на базе этой доминанты соответствующие ей «новые» ценности. В.А. Рыбаков говорит, что «социальная память является системообразующим элементом духовного жизненного пространства человека», а «код правового развития заложен в преемственности»⁴³. Таким образом, понятие «хорошего» и «плохого» будет зависеть от типа культуры и от мировоззрения конкретного общества, от его глубинной ценностной доминанты, уже упомянутого ядра культуры. Словами С.Б. Зинковского, «ценности, являясь наиболее устойчивой составляющей правовой культуры общества, отражают элементы его генетического кода»⁴⁴. Признавая одним из способов развития права рецепцию наиболее прогрессивных идей других государств, мы тем не менее не должны недооценивать этот «генетический код». Гарантией действенности перенимаемой нормы будет, на наш взгляд, именно ее соответствие этой общекультурной, ценностной составляющей. По утверждению Рене Давида, именно от концепции социального строя, от типа

---

⁴² Мартышин О.В. Проблема ценностей в теории государства и права // Государство и право. 2004. № 10. С. 6.

⁴³ Рыбаков В.А. URL: <http://rudocs.exdat.com/docs/index-403130.html?page=2>.

⁴⁴ Зинковский С.Б. Правовые культуры: учеб. пособие. Москва, 2007. С. 80.

цивилизации и образа мыслей будет зависеть, как применяется и вообще функционирует право⁴⁵.

Если мы решили считать правовую культуру частью общей культуры, мы тем самым презюмировали факт подчинения правовой культуры общим культурологическим законам. «Право начинается с общих ценностей, мировоззрения и т.д. – пишет бельгийский профессор Марк ван Хук. – На второй ступени право и правовая практика создают некие правовые ценности, формы мировоззрения, традиции и привычки, другими словами, правовую культуру»⁴⁶. То есть первоосновой всей нормативной системы является опять же общая культурная модель, правовые ценности – это модифицированные общекультурные ценности, а правовые идеи – рационализированные правом формы общего мировоззрения. Таким образом, выделив доминирующее ядро общей культуры каждого из анализируемых типов, мы тем самым определимся и с основой правовой культуры.

Как уже неоднократно отмечалось, в основе любого типа культуры лежат определенного рода ценности. Если исходить из указанной посылки об общем начале для всех разновидностей культуры, очевидным будет, что под ним подразумевается некое ядро в виде «абсолютных» социокультурных ценностей. Американские культурологи А. Кребер и К. Клакхон говорят о том, что «базовое ядро культуры составляют традиционные (исторически сложившиеся и получившие одобрение) идеи, в первую очередь те, которым приписывается особая ценность»⁴⁷. Различие же

---

⁴⁵ Давид Р. Основные правовые системы современности / пер. с фр. и вступ. ст. В.А. Гуманова. Москва, 1988. С. 38–40.

⁴⁶ Марк ван Хук. Право как коммуникация. Санкт-Петербург, 2012. С. 82.

⁴⁷ Kroeber A., Kluckhohn C. Culture. A critical review of concepts and definitions. Cambridge; Massachusetts, 1952. P. 173.

будет в так называемых «специфических» ценностях – для правовой культуры правовых, для политической культуры – политических и т.д.

И здесь мы возвращаемся к категории ценностей, но уже с позиций деления их на два типа: абсолютные или идеальные и относительные или ценности «второго порядка». Очевидно, что именно ценности, названные нами «абсолютными», будут предопределять формирование ценностей «второго порядка» – специфических – и отличать цивилизационно разные типы культур. Для дифференциации же различных подвидов культуры внутри одного общества, как раз наоборот, определяющее значение будут иметь специфичные для каждого продукта культуры ценности, формирующиеся в процессе его отделения от общего культурного блока.

Одной из задач настоящего параграфа является определение механизма формирования правовых ценностей или ценностей второго порядка. На наш взгляд, не имеет никакого смысла пытаться менять абсолютные ценности. Здесь мы склонны согласиться с точкой зрения В.П. Малахова, который говорит о том, что ценности – это «данности культуры, не имеющие рациональных оснований. Ценность по сути тождественна оправданности существования»⁴⁸. «О ценностях, – утверждает российский правовед и философ, – можно только сказать, что они есть, – или заниматься интеллектуальными спекуляциями (идеологией), болтовней... Ценности – не предмет юридической теории, ибо рациональным путем, как следствие чего-то (факторов, процессов, закономерностей и т.д.) их вывести нельзя. Ответ на вопрос «почему?» можно дать только в форме констатации того, что предметы определенных устремлений считаются ценностями, в которой слово ценность ничего не

---

⁴⁸ Малахов В.П. Мифы современной общеправовой теории: монография. Москва, 2013. С. 101.

прибавляет к сущностной характеристике предмета мысли»⁴⁹. Подтверждает такую точку зрения и известный американский теоретик права Джон Финнис, говоря о том, что «ценности не могут быть доказаны, но могут быть подкреплены как данными реальных наблюдений, так и диалектическими аргументами»⁵⁰. Когда-то механизм работы абсолютных ценностей Блез Паскаль назвал «порядком сердца» и объяснил его тем, что «логика сердца не совпадает с логикой рассудка, но подчиняется своим неисповедимым законам. Ценности, по выражению французского философа, – «не усматриваются теоретическим разумом, но чувствуются»⁵¹.

Хотелось бы сразу оговориться, что приведенные выше утверждения не означают, что базовые социокультурные ценности вообще не меняются. Безусловно, меняются, иначе культурная эволюция была бы в принципе невозможна. Мы пытаемся лишь указать на то, что попытки «контролировать» культурогенез в его «абсолютной» плоскости изначально обречены на провал – на самом деле культура не формируется и не развивается целенаправленно, а вырастает и наращивается (накоплением, а не изменением). А сама «идея ценности сродни идеям блага, добра, права – всего, что не определимо, но чувствуемо, принимаемо в силу духовной сращенности с ними»⁵².

На основании вышесказанного предлагаем определить правовую культуру как двухуровневую категорию, в основе которой лежат «абсолютные» ценности (ценности первого порядка), на базе которых формируются собственного правовые ценности (ценности второго порядка), свойст-

---

⁴⁹ Малахов В.П. Мифы современной общеправовой теории: монография. Москва, 2013. С. 101.

⁵⁰ См.: ВixBr. Jurisprudence. London, 1996. P. 75.

⁵¹ Розанов В.В. Паскаль. URL: <http://vivovoco.rsl.ru/VV/PAPERS/ECCE/PASCAL.HTM>

⁵² Малахов В.П. Мифы современной общеправовой теории: монография. Москва, 2013. С. 101.

венные исключительно праву как культурной данности и регулятору общественных отношений в рамках этой культуры. Мы считаем, что утверждение в науке такого рода структуры позволит создать самостоятельную концепцию правокультурной идентификации и определиться наконец с ее критериями. Иначе нам грозит погрязнуть в вечном сравнении всех правовых культур с псевдоидеальным западным аналогом.

Мы также предлагаем выделить в правовой культуре общества два блока: народную и государственную правовые культуры. Для понимания цели такой дифференциации необходимо обратиться к самой этимологии исследуемого понятия и вспомнить, что культура – это способ самоидентификации народа. Народа, а не некоей механической общности, проживающей на конкретной территории. А основной мотивацией поведения в любой сфере общественных отношений, в том числе и правовой, для конкретного народа является именно совокупность неких абсолютных ценностей, не поддающихся рациональному регулированию. Государство же со своей стороны пытается рационализировать общественную жизнь, задать основные векторы и сформировать эталоны правового развития. При плохом варианте государство еще и будет пытаться «повысить» уровень правовой культуры с оглядкой на «идеальный» (в современном обществе это западный) вариант. Однако близкий нам российский опыт показывает, что в случае несовпадения наличной (народной) правовой культуры с навязываемым вариантом, чем сильнее государство старается «двигать страну в светлое будущее», тем большее противодействие оно встречает со стороны населения. И здесь мы снова присоединимся к мнению В.П. Малахова, утверждающего, что «культура не воспринимается критически и не поддается критике, она «глуха» к последней. Можно только создать условия для привычного проявления куль-

туры, устранить затруднения для ее нормальных проявлений... Культура – органическая характеристика»⁵³.

При этом государство – тоже данность, как и данность его постоянное желание рационализировать, стандартизировать и улучшать качество правовой жизни. При благоприятном раскладе такие улучшения будут соответствовать общей культуре общества, его абсолютным ценностям. При плохом варианте возникнут так называемые квазиправовые юридические доктрины – идеально существующие на бумаге, но абсолютно не функционирующие в реальной жизни теории и концепции. Такие явления широко обсуждаются в правовой науке в последние годы и, как правило, при таком подходе, истинное, народное право получает название «неправа» или «псевдоправа»⁵⁴, «теневого права»⁵⁵. А особо «ярые» позитивисты при сопоставлении понятий официального права с «негативным правом», «неправом» и т.д., вообще предлагают использовать гегелевскую формулу о трех видах «неправа». Все это, на наш взгляд, невероятно категорично и потому неверно. Государственная правовая идеология и образующая ее государственная правовая культура – такая же естественная часть общей правовой культуры, как и сама народная правовая культура. В идеале истинная правовая культура должна содержать в себе обе эти гармонично взаимодействующие сферы. Иначе мы рискуем попасться в традиционную для многих исследователей правовой культуры ловушку и начать воспринимать эту категорию лишь как сферу должного. Не стоит забывать, что правовая

---

⁵³ Малахов А.В. Указ. соч. С. 137, 135.

⁵⁴ Бачинин В.А. Неправо (негативное право) как категория и социальная реалья // Государство и право. 2001. № 5. С. 14–20.

⁵⁵ Баранов В.М. Теневое право. Н.Новгород, 2002; Трикоз Е.Н. «Теневое право»: миф или реальность // Законодательство и экономика. 2005. № 1.

культура – это, прежде всего, форма общей культуры и соответственно ее развитие подчиняется развитию ее основной ценности – права, причем как творимого государством, так и вытекающего из самого народного духа. Известный российский теоретик права И.Ю. Козлихин выделяет два пути правогенеза: «Первый путь – когда право порождается самими общественными отношениями, которые объективно требуют правовой формы и вне ее не существуют. Второй – когда право создается государственной волей. В первом случае складывается спонтанный, естественный правопорядок. Во втором – правопорядок, искусственно установленный посредством государственного закона»⁵⁶. Профессор И.Ю. Козлихин говорит о том, что «в идеале правовая система содержит в себе обе эти гармонично взаимодействующие сферы. Однако в реальной жизни закон, как порождение ограниченного и часто ошибающегося человеческого разума, нередко представляет опасность для спонтанно складывающегося права»⁵⁷. Предложенная нами структура фактически совмещает указанные пути, соответствует самой правовой органике и позволяет не создавать искусственные наукообразные категории, а просто исследовать естественный ход правового развития конкретного общества.

Таким образом, мы считаем, что только правовая культура, включающая в себя оба указанных блока, органично сосуществующие и взаимодополняющие друг друга, может стать тем, чем и должна быть – «закономерным результатом всего процесса правового развития, органично соеди-

---

⁵⁶ Козлихин И.Ю. Право, закон и власть в современной России // Наш трудный путь к праву: материалы философско-правовых чтений памяти академика В.С. Нерсеянца / сост. В.Г. Графский. Москва, 2006. С. 66.

⁵⁷ Там же.

няющим два пласта, один из которых порожден природой данного общества, другой же воспринят от правовых культур прошлого»⁵⁸. Тогда государство сможет выполнить свое предназначение и, как предлагал еще известный дореволюционный теоретик права И.А. Ильин, сделать так, «чтобы приблизить право к народу, чтобы укрепить массовое правосознание, чтобы народ понимал, знал и ценил свои законы, чтобы он добровольно соблюдал свои обязанности и запретности и лояльно пользовался своими полномочиями»⁵⁹. В ином же случае, разводя эти данности общественной жизни по разным полюсам, мы формируем юридическое общество в самом плохом понимании слова «юридическое». Государственная правовая культура существует сама по себе, непонимаемая и невоспринимаемая никем, кроме ее создателей; а народная правовая культура активно ей противостоит. Как следствие, появляется одно из негативнейших общественных явлений – правовой нигилизм, которого вполне можно было бы избежать, просто следуя по пути культурно-правовой эволюции. Ведь народная правовая культура – это своего рода «матрица, определяющая правосознание и поведение граждан, членов социума в целом. Она формирует ожидания и поведенческие стереотипы применительно к ситуациям личного выбора. Поэтому если законы вступают с ней в противоречие, выбор, как правило, не в их пользу»⁶⁰. По утверждению В.П. Малахова, «в формировании юридического правосознания идти от реальности при условии, что сама эта реальность симулирована, сконструирована – совершенно

---

⁵⁸ Петручак Л.А. Правовая культура как детерминанта современного российского общества. Москва, 2012. С. 101.

⁵⁹ Ильин И.А. О сущности правосознания. Москва, 1993. С. 31.

⁶⁰ Бочаров В.В. Указ. соч. С. 136.

бесперспективный путь, который, однако и к сожалению, хорошо протоптан»⁶¹.

Вернемся к внутренней структуре правовой культуры. В ее составе мы предлагаем выделить два уровня – духовный и материальный. Каждый из них будет реализовываться в определенном наборе фактических элементов, а формироваться благодаря ценностям, лежащим в его основе. Так, духовный уровень базируется на «абсолютных» ценностях и представлен правовым менталитетом и правовым архетипом. Материальный основывается на ценностях второго порядка и реализуется через достижения юридической науки, государственную правовую идеологию и правовую деятельность. Свяжет эти уровни правосознание как сложная категория, совмещающая идеологические и психологические компоненты. Именно через правосознание осуществляется переход от иррационального к рациональному, совмещение в индивидуальном сознании представлений о сущем и должном, а в конечном итоге – движение от «моделей» к «поведению». Мы предлагаем использовать формулу, предложенную российским правоведом, занимающимся исследованием категорий правового менталитета и правосознания, Р.С. Байниязовым, который считает, что через развитие духовных, интеллектуальных, психологических структур своего «я» субъект творит правовую культуру по формуле: «дух – мысль (идея) – восприятие (оценка) – словодействие (поступок)»⁶².

Исходит предложенная нами структура из самого состава ценностей. Напомним, что с точки зрения классической философии ценностями могут считаться лишь абсолютные идеи, не имеющие рационального основания. Все

---

⁶¹ Малахов В.П. Мифы современной общеправовой теории: монография. Москва, 2013. С. 22.

⁶² Байниязов Р.С. Правосознание и российский правовой менталитет // Правоведение. 2000. № 2. С. 31–41.

остальное, чему более поздней наукой было присвоено то же наименование, фактически является лишь идеалом, имеющим инструментально-потребностный характер и сформированным на базе первичной «идеальной» ценности. Таким образом, второй уровень ценностей в большей степени основан на понятии интереса.

Здесь предлагаем воспользоваться точкой зрения В.П. Малахова, который вообще не считает правовые ценности таковыми, говоря, что в классической философской доктрине, чем выше человек продвигается по шкале духовности, тем меньшую роль для него играет интерес. Религиозность вообще не связана ни с какими интересами; мораль весьма скептически относится к интересу. И только право есть уровень жизни общества и государства, на котором интересы становятся вполне естественными. Таким образом, фактически единственная реальная (идеальная) ценность в праве – это само право, которое рождается и функционирует в большей степени на базе социокультурных ценностей. Если мы теряем эту составляющую правовой культуры, мы теряем право как идеальную ценность, теряем его связь с общей культурой и делаем право средством обездуховления человека; ведь правомерность определена вовсе не духовностью. Именно такой – обехздуховленный – человек в праве культурном уже и не нуждается. Право становится для общества таких людей лишь регулятором, управлением, контролем, надзором и другими имитирующими право процессами. Чуть менее безнадежно по содержанию, но мысля в том же направлении, высказывается и В.Н. Синюков, утверждая, что «к позитивному регулированию стремятся только в безвыходном, бескультурном пространстве. При прогрессивном разведении «ножниц» культуры и позитивного права последнее демонстрирует удивительную

беспомощность, даже будучи нашпиговано «разумными», «цивилизованными» схемами и институтами»⁶³.

Абсолютно противоположную, но столь же категоричную позицию занимал известный российский правовед, академик В.С. Нерсисянц, считавший, что «в праве и государстве не применяются всеобщие ценности философско-этического порядка, а, наоборот, создаются собственные ценности, которые затем признаются и применяются в разных областях жизни. По мнению В.С. Нерсисянца, «право, в своем аксиологическом измерении выступает не просто как неформализованный (формально-фактический) носитель моральных (или смешанных морально-правовых) ценностей..., а как строго определенная форма именно правовых ценностей... отличная от всех иных ценностных форм»⁶⁴. Считая право единственным формально-логическим регулятором, академик предлагал многие ценности, исконно признаваемые в большей степени моральными, признать принадлежащими исключительно праву, более того, входящими в его состав. Например, профессор В.С. Нерсисянц так говорил о связи права и справедливости: «...справедливость входит в понятие права... Более того, только право и справедливо»⁶⁵.

Еще один представитель либертарно-юридической концепции, профессор В.А. Четвернин идет еще дальше, разделяя все цивилизации на два типа – либертарные и потестарные – и говорит о том, что право как регулятор общественных отношений присуще лишь цивилизациям либертарного типа. Не признавая возможностей перехода цивилизаций из одного качественного состояния в другое, про-

---

⁶³ Синюков В.Н. Российская правовая система. Введение в общую теорию. Москва, 2010. С. 250.

⁶⁴ Нерсисянц В.С. Философия права: учебник для вузов. Москва, 1997. С. 58–59.

⁶⁵ Там же. С. 28.

фессор В.А. Четвернин фактически лишает возможности традиционно потестарные цивилизации урегулировать свои взаимоотношения на правовой основе. Вернее, он признает наличие в таких цивилизациях правовых субкультур, но считает, что они всегда будут представлять явное меньшинство и подавляться превалирующим потестарным большинством. Таким образом, ученый вообще не считает существующие в обществах ценности второго порядка правовыми. Он считает право привилегией лишь западно-европейской цивилизации, основываясь на том, что нельзя называть разные по сути явления одним и тем же словом⁶⁶.

Не считаем возможным в полной мере согласиться ни с одной из рассмотренных позиций. По логике профессора В.А. Четвернина, и разные религии тогда не имеют права называться одним термином, ведь ислам и христианство по содержанию представляют собой весьма различные категории. Мы считаем, что «само право следует определять преимущественно через выполняемые им функции в обществе»⁶⁷. Оно должно служить средством разрешения конфликтов в обществе, где признается свобода. А уж то, как определяет свободу каждое конкретное общество – это предопределенная традициями и историей аксиома, от содержания которой абсолютно не зависит наличие права как регулятора общественных отношений.

Если же исходить из концепции профессора В.П. Малахова, то позитивное правовое регулирование – практически всегда зло, а правовые ценности в принципе не могут претендовать на звание таковых. Но, как уже было указано выше, по нашему мнению, государственное регулирование и стихийное народное праворегулирование – это необхо-

---

⁶⁶ Материалы видеолекции В.А. Четвернина в Высшей школе экономики. URL: http://vk.com/video386882_165832013

⁶⁷ Рулан Н. Юридическая антропология; отв. ред. В.С. Нерсеянц. Москва, 2000. С. 47.

димый симбиоз в рамках одной общей правовой культуры, обусловленный двухуровневой системой формирования любой социокультурной ценности, одной из которых и является право.

В большей степени нам импонирует точка зрения профессора А.В. Полякова, который выделяет присущие праву ценности в качестве самостоятельной категории, но при этом предлагает признать, что собственно правовые ценности (эйдетические) вторичны по отношению к базовым – социокультурным. Так, давая характеристику ценностям, присущим исключительно праву, известный российский правовед говорит: «право есть явление культуры и всегда отражает в себе существующие культурные ценности, которые, преломляясь сквозь правовую реальность, становятся правовыми ценностями»⁶⁸.

Следовательно, нельзя категорично утверждать, что состав правовой культуры неизменен для любого общества. Из смысла, так или иначе понимаемого, рождаются представления о ценном и должном. Поэтому «изначальная настроенность права на высокие общечеловеческие идеалы и ценности предполагает не абсолютное, абстрактное содержание этих ценностей, а содержание, обусловленное определенной социокультурной действительностью»⁶⁹. Иными словами, процесс формирования правовых ценностей основан на уникальном для каждого народа составе «абсолютных» ценностей и на вытекающей из них роли права в обществе.

---

⁶⁸ Поляков А.В., Тимошина Е.В. Указ. соч. С. 128.

⁶⁹ Гриценко Г.Д. Право как социокультурное явление (Философско-антропологическая концепция): дис. ... д-ра филос. наук. Ставрополь, 2003. С. 241.

1.3. Архетип как системообразующий элемент правовой культуры общества

Итак, мы полагаем основным тезисом о том, что основой формирования правовой культуры является базовая культурная доминанта. Фундаментом же общественной культуры в целом являются абсолютные ценности, «хранящиеся» в коллективном бессознательном, которое таким образом имеет коллективную, универсальную и безличную природу, идентичную для всех индивидов конкретного общества. Содержание коллективного бессознательного представлено первыми, элементарными мотивами – архетипами. Итоговое поведение индивида в конечном итоге во многом определяется ими же, таким образом, фактически основано на опыте предков.

Продолжая наши рассуждения, рассмотрим более подробно понятия правового менталитета и правового архетипа, а также то, каким образом они взаимодействуют (или должны взаимодействовать) с государственной идеологией в рамках правовой культуры общества в целом и каков механизм их итогового воздействия на правовую деятельность.

На настоящем этапе в отечественной правовой науке отсутствует целостная доктрина правового менталитета. И существующие, порой весьма глобальные, противоречия в этом вопросе, можно, на наш взгляд, посчитать следствием того, что за весьма ограниченный период времени (20 лет) было переведено, написано и опубликовано множество работ, посвященных проблемам взаимосвязи права и правового менталитета, правового менталитета и правосознания, вышеперечисленных элементов и правовой культуры.

Поэтому представляется разумным начать с краткого обзора имеющихся в отечественной науке взглядов на правовой менталитет, тем более, что они, как уже было указано, отличаются достаточно противоречивым характером.

Так, М.И. Бородина, рассматривающая проблемы правового менталитета в рамках философского анализа, предлагает разделить собственно правовой менталитет и менталитет правовой культуры. Давая общую характеристику анализируемым понятиям, автор говорит о том, что «правовая система в ходе своего исторического развития вырабатывает свой, только ей присущий менталитет, который не выходит за рамки собственно права и является его достоянием»⁷⁰. Правовой менталитет, по ее мнению, «характеризует «то основное, исходное, на чем базируется право и что является предпосылкой «развертывания» всех основных «составляющих» правовой системы – правовых норм, предписаний, положений, законов и т.д., через которые право выполняет свои функции, свою «социальную заданность». К этому основному, исходному можно, прежде всего, отнести: нормативность, регулятивность, общеобязательность правовых актов, обеспеченность их силой, авторитетом государства»⁷¹. Таким образом, философ во многом отдает «пальму первенства» в процессе формирования правового менталитета государству.

С таким подходом нельзя согласиться, ведь менталитет, исходя из самой этимологии термина *mentality*, пришедшего к нам с Запада, означает в современном изложении «образ мыслей, направление или характер размышлений»⁷². Толковый словарь С.И. Ожегова определяет его как «мировосприятие, умонастроение»⁷³, а американский ученый Р. Эмерсон вводит понятие менталитета, рассматривая центр, метафизическое

---

⁷⁰ Бородина М.И. Ментальная компонента правовой культуры: дис. ... канд. филос. наук. Волгоград, 2004. С. 50.

⁷¹ Там же.

⁷² Лубский Р.А. Политический менталитет: методологические проблемы исследования: дис. ... канд. филос. наук. Ростов на Дону, 1999. С. 16.

⁷³ Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. Москва, 1984. С. 358.

значение души как первоисточника ценностей и истин⁷⁴. Сама идея ментальности, возникшая среди историков школы «Анналов», подразумевала переход от исследований объективных социально-экономических отношений к анализу структур духовной жизни, к поиску фундаментальных устойчивых структур сознания в философии⁷⁵. Таким образом, отдав правовой менталитет на откуп государству, мы посчитаем, что видовое понятие (*правовой* менталитет) противоречит родовому, что методологически невозможно.

Несколько искажает содержание исследуемой категории, на наш взгляд, и А.В. Мурунова, утверждая, что «развитие правового менталитета обусловлено правовыми традициями, культурной, социальными структурами, правовыми институтами и факторами, то есть правовой системой в целом»⁷⁶. На наш взгляд, зависимость как раз обратная: правовая система испытывает на себе воздействие правового менталитета, а те ее институты, которые формируются государством, лишь воздействуют на поведение в правовой сфере, не меняя (или меняя весьма незначительно) сам правовой менталитет. Ниже мы будем говорить о том, что считаем правовой менталитет фактически «вместилищем» стереотипов, воспринимаемых на бессознательном, привычном уровне. Правосознание, обладающее как идеологическим, так и психологическим компонентом, помогает проводить «сцепку» между бессознательным уровнем, психологическим компонентом сознания и идеологическим элементом, формируя определенное правовое поведение. Иными словами, в ситуации, когда норма позитивного пра-

---

⁷⁴ Эмерсон Р. Понятие менталитета URL: http://kultorolog.slovonline.com/M/324MENTALNOST_MENTALITET (дата обращения: 01.06.2023).

⁷⁵ Российская ментальность (материалы круглого стола) // Вопросы философии. 1994. № 1. С. 51.

⁷⁶ Мурунова А.В. Российская правовая ментальность: проблемы и перспективы: монография. Нижний Новгород, 2010. С. 54.

ва по содержанию противоречит архетипической ментальной установке, субъект может посчитать, что разумнее в данном случае следовать не правовому стереотипу, а законодательному установлению. Но подчеркнем: правовой менталитет и лежащий в его основе правовой архетип от этого не изменятся, а лишь временно уступят место велениям разума. И данный вариант возможен, на наш взгляд, лишь в двух случаях. Во-первых, если сама ситуация не особо важна для субъекта, и он может позволить своему сознанию взять верх над бессознательным и что-либо «посчитать» (ведь механизм действия любых инстинктов, даже внебиологических, гораздо мощнее сознательного элемента и, если сознание сумело заставить подсознание подчиниться, значит, сама ситуация не обладает первоочередной важностью для субъекта). Во-вторых, если сила принуждения, поддерживающая данный норматив, действительно велика. Существенное же противоречие социокультурной основе менталитета, а также разрушение его ценностно-смыслового ядра приведет, скорее всего, к резкому неприятию внедряемых моделей и цепи совершенно непредсказуемых последствий. Вообще, как показывает, например, В.Л. Дорошенко, правовая система любого общества существует прежде всего как образ жизни, как менталитет, и именно и только в рамках менталитета обладает устойчивостью и транслируется⁷⁷. Поэтому мы считаем, что в вопросе о соотношении правовой системы и правового менталитета более предпочтительна точка зрения Л.В. Перуновой, считающей, что правовой менталитет является обязательной структурной частью правовой системы и что ее сущность невозможно понять, не осознав «дух» правовой системы,

---

⁷⁷ Дорошенко В.Л. Что такое право? // ЭКО. Новосибирск, 2002. № 3. С. 136.

правовой менталитет⁷⁸. Р.С. Байниязов, подробно рассматривающий право с точки зрения его культурологической и «живой» составляющей, и вовсе утверждает, что «жизнь правового духа есть жизнь правовой системы общества. Без него правовая система не может существовать и функционировать, ибо дух – источник и носитель любой правовой идеи и чувства. ... Дух придает праву подлинность и ценность». Дух же права российский ученый предлагает искать в ментальной составляющей правовой культуры общества⁷⁹.

Также считаем методологически не оправданным разделять понятия правовой ментальности и правового менталитета. Такую дифференциацию проводят некоторые отечественные ученые, например, А.В. Мурунова и О.В. Довлекаева. Причем первая рассматривает проблему с точки зрения правовой науки, а вторая – философии. Авторы сходятся в том, что правовой менталитет и правовую ментальность необходимо соотносить как часть и целое. Так, А.В. Мурунова говорит о том, что «правовая ментальность является исходным, наиболее древним праводуховным образованием... это духовные и интеллектуальные правовые возможности различных социальных субъектов. А правовой менталитет – реальный, актуальный способ правового мышления и правовой деятельности, присущий определенной общности людей»⁸⁰. Здесь, на наш взгляд, опять необходимо обратиться к самому понятию *mentality* (англ.) или *mentalite* (франц.), которые в принципе не предусматривают какого-либо усложнения тер-

---

⁷⁸ Перунова В.Л. Теоретико-методологические и сущностные аспекты современной правовой системы России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тамбов, 2005. С. 12.

⁷⁹ Байниязов Р.С. Правосознание и правовой менталитет в России. С. 48, 49.

⁸⁰ Мурунова А.В. Правовая культура и правовая ментальность: проблема соотношения // Проблемы в российском законодательстве. 2009. № 3. С. 195.

минологии. Большинство социологов и историков при рассмотрении категории «менталитет» приходят к выводу об идентичности этих понятий. Так, Н.А. Забелина, анализируя в своей статье «Менталитет и ментальность» соотношение указанных понятий, приходит к выводу о том, что большинство ученых склонны объединять указанные категории и предпочитают комплексную трактовку менталитета как «совокупности представлений, воззрений, «чувствований» общности людей определенной эпохи, географической области и социальной среды, которые влияют на исторические и социокультурные процессы»⁸¹. А все правовые исследования в направлении дифференциации правовой ментальности и правового менталитета исходят лишь из отечественных, абсолютно несистематизированных разработок. На наш взгляд, разделение данных категорий несвоевременно в силу недостаточной философско-методологической разработанности этой проблемы на социологическом и историческом уровнях. Поэтому предложенные отечественными учеными подходы к дифференциации не позволяют в должной мере проанализировать специфику содержания указанных категорий и, в конечном итоге, такое разделение ведет лишь к неоправданной перегрузке понятийно-категориального аппарата правовой науки.

Достаточно подробно рассматривает категорию правового менталитета Р.М. Овчиев, причем в своем исследовании автор логично анализирует видовое понятие лишь после характеристики родового, то есть менталитета как социологической категории. На наш взгляд, заслуживает внимания и приводимая российским правоведом дифференциация подходов к определению менталитета. Так, существует три основных подхода: первый исходит из того, что менталитет – это совокупность повседневных осознанных представлений, символических образов и ценностей (В.Н. Иванов, М.М. Назаров,

---

⁸¹ Забелина Н.А. Менталитет и ментальность // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2007. № 1. С. 24.

Д. Фильд и др.). При втором подходе акцент, наоборот, делается на коллективно-бессознательных, архетипических его компонентах (А.Я. Гуревич, И.В. Кондаков, А.П. Марков и др.). В рамках третьего подхода подчеркивается, что менталитет – это область как сознательного, так и бессознательного, причем осознанные элементы менталитета неразрывно связаны со сферой бессознательного, которое может рассматриваться исключительно как коллективное (И.Г. Дубов, Г.Г. Дилигенский, С.И. Самыгин, Л.Д. Столяренко, Е.Б. Шестопап и др.)⁸². Третий подход весьма актуален для целей нашего исследования.

Р.М. Овчиев предлагает следующее определение: «правовой менталитет – это совокупность стереотипов правового мышления, правовой деятельности и правового поведения, основывающихся на сформированной в конкретном государственно-правовом пространстве системе правовых ценностей, правовых традиций и приоритетов, которые определяются относительно устойчивыми объективно-субъективными факторами»⁸³. Мы согласны с автором в том, что именно с помощью правового менталитета «происходит «трансляция» новых знаковых средств и социальных институтов, складывающихся на основе их социального опыта и отражающих ментальные проявления правовой культуры данного общества»⁸⁴, считаем, что автор не ошибся и в тезисе о «стереотипах правового мышления». Но считаем неверным выделять в составе правового менталитета оценочный компонент. Ведь правовой менталитет ничего не оценивает, он содержит лишь тот самый комплекс базовых культурных моделей, который заставляет индивида неосознанно следовать стереотипам, заложенным в его подсознание далекими предками. То есть право-

---

⁸² Овчиев Р.М. Правовая культура и российский правовой менталитет: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2006. С. 90.

⁸³ Там же. С. 96.

⁸⁴ Там же. С. 97.

вой менталитет отвечает лишь за стереотипизацию поведения на уровне коллективного бессознательного (основанного на абсолютных ценностях) и представляет собой вне-рациональный, а потому первичный, мотиватор поведения, позволяющий актуализировать энергию ценностей и норм, входящих в состав ядра менталитета, в случае если внедряемые модели поведения им адекватны или, по крайней мере, не противоречат. А оценивание – это деятельность рефлексующего сознания. Базовое же культурное ядро, состоящее из абсолютных ценностей, не оценивается рационально (этот вопрос уже поднимался в первой части работы). Следование ему происходит хоть и на внебиологическом, но по механизму протекания совершенно схожем с инстинктивным, уровне. Используя понятийно-категориальный аппарат Иммануила Канта, менталитет является априорной формой нашего познания. А собственно оценку будет производить уже правосознание, соотнося психологические, идеологические и бессознательные архетипические установки субъекта и формируя целостную правовую мотивацию.

Серьезный интерес в рамках нашего исследования представляет работа Д.В. Меняйло. Ученый начинает свои рассуждения с социологического анализа категории «менталитет» и прежде всего обращает внимание на связь менталитета с религией, которая является средством доопытного познания субъектом окружающего мира⁸⁵. Также обращает на себя внимание мнение автора о том, что «менталитет – это явление практически такого же характера как «жизнь», «смерть», «время», «пространство», «сексуальность», «болезнь», «страх», «смерть», «чувствительность» и т.д.»⁸⁶.

---

⁸⁵ Меняйло Д.В. Правовой менталитет: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2003. С. 17–18.

⁸⁶ Там же. С. 23.

В итоге Д.В. Меняйло приходит к выводу о том, что правовой менталитет – это гибридное понятие, представляющее собой «исторически сложившиеся специфические, наиболее типичные и устойчивые для определенной социальной или национально-этнической общности, системы мировоззренческих представлений, оценок и реакций на объекты государственно-правовой действительности»⁸⁷.

Существует также точка зрения, что введение понятия «правовой менталитет» ведет к перегрузке юридической науки, поэтому необходимости в нем вообще нет. Так, И.А. Иванников, характеризуя правовой менталитет, во-первых, приравнивает его к «юридическому менталитету», а во-вторых, фактически синонимизирует с правовой культурой в целом. Давая понятие правового (юридического) менталитета, российский ученый включает в его состав правосознание, юридически значимую деятельность, действующее и разрабатываемое законодательство. Логичным выводом автора становится ироничное выражение об «отсутствии необходимости во внедрении в русский язык красивого, но до сих пор многим непонятого термина «менталитет» («ментальность»)⁸⁸. Такой вывод вполне соответствует приводимым И.А. Иванниковым аргументам, но, на наш взгляд, как и сами рассуждения, носит излишне категоричный характер и совершенно не отражает сути исследуемой категории. Приведенная точка зрения, с одной стороны, неоправданно расширяет категорию правового менталитета, включая в нее все как материальные, так и духовные составляющие; с другой стороны, не уделяет должного внимания лежащим в его основе социокультурным ценностям и сформированным на их базе архетипам и, таким обра-

---

⁸⁷ Меняйло Д.В. Правовой менталитет: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2003. . С. 45–46.

⁸⁸ Иванников И.А. Концепция правовой культуры. URL: <http://www.law.edu.ru/article/article.asp?articleID=146904> (дата обращения: 25.05.2023).

зом, фактически нивелирует культурно-ценностную составляющую рассматриваемого понятия.

Одним из наиболее комплексных исследований в области правового менталитета являются работы Р.С. Байниязова, который определяет рассматриваемую категорию как «глубинный уровень правосознания, выраженный в структурированной единой и целостной общности правовых представлений, стереотипов, привычек, реакций и др., в характере и способе юридического восприятия», «своего рода культурную парадигму отражения юридической действительности, где позитивные правовые феномены преломляются через юридическую призму гражданского сознания, духа общества»⁸⁹. Автор разделяет понятия правового менталитета и юридического подсознания, считая, что правовой ментальности присущи «правовые привычки», традиции и особенности, представляющие собой сочетание сознательного и иррационального; а юридическому подсознанию присущи «неосознаваемые юридические реакции и импульсы, правовые инстинкты...»⁹⁰. При всем уважении к автору, такая позиция представляется все же неверной. Прежде всего, совершенно непонятен механизм формирования юридического подсознания. Отдать его на откуп биологическому уровню невозможно, ведь право – явление социальное, а не природное, соответственно, все реакции, проходящие в сфере его функционирования, носят исключительно социокультурный характер. Тогда необходимо презюмировать, что юридическое подсознание будет носить явный культурный отпечаток, а, значит, исходя из предыдущих рассуждений самого автора (ведь одним из признаков правового менталитета Р.С. Байниязов считает «духовно-умственный правовой

---

⁸⁹ Байниязов Р.С. Правосознание и правовой менталитет в России: дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2006. С. 125.

⁹⁰ Там же. С. 126.

уклад, характеризующийся культурологической специфичностью»⁹¹), является лишь частью правового менталитета и определяет поведение субъекта в правовой сфере, лишь воздействуя на формирование ментальной стереотипичности. В таком случае возникает вопрос: в чем же необходимость введения в юридическую науку еще одного понятия, не несущего самостоятельной смысловой нагрузки?

На наш взгляд, не умаляя огромного вклада профессора Р.С. Байниязова в отечественную правовую науку, необходимо отметить излишнюю понятийную перегруженность его теории правосознания. Так, автор выделяет внутреннюю и внешнюю структуры правосознания (внутренняя включает в себя метафизику, аксиологию, гносеологию и практические (прикладные) вопросы, внешняя достаточно типична и представляет собой совокупность правовой идеологии и правовой психологии)⁹². Также вводится понятие правового духа, юридического подсознания, правового менталитета, правового чувства и правовой совести. Все это, по мнению российского правоведа, и входит и не входит в категорию правосознания. То есть, с одной стороны, юридическая совесть, юридическое чувство и подсознание являются составными элементами абстрактного правосознания, с другой стороны, юридическое подсознание выделяется как отдельная категория, а правовой менталитет вообще рассматривается как часть правосознания. В результате автор почему-то делает вывод о том, что «говоря о культурно-историческом и духовном статусе правового менталитета, следует подчеркнуть его определенную

---

⁹¹ Байниязов Р.С. Правосознание и правовой менталитет в России: дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2006. С. 124.

⁹² Байниязов Р.С. Правосознание и правовой менталитет в России. Саратов, 2008. С. 12, 15.

автономии по отношению к правосознанию»⁹³. Правовой менталитет, по мнению автора, выполняет задачи социализации, делает это с помощью абстрактного (логического) правосознания, которое «есть выраженная на категориально-понятийном уровне правовая мысль»⁹⁴. Выше мы уже рассуждали на тему того, почему не считаем возможным считать менталитет в любой его форме порождением разума, мыслительным процессом.

Гораздо более логичной концепцией такой направленности представляется доктрина профессора А.В. Полякова, тоже рассматривающего право прежде всего как явление, онтологически связанное с жизнью социума, а не государства. Автор рассматривает правовое сознание как форму социального сознания и таким образом наделяет его всеми чертами родового понятия. И так как основными «видами отношений сознания к миру являются познание, ценностные отношения и практика, то и в правовом сознании можно выделить познавательные, ценностные и волевые элементы. Эти элементы можно определить как правовую онтологию, правовую аксиологию и правовую праксиологию»⁹⁵.

Правовую ментальность А.В. Поляков не включает ни в один из указанных элементов, говоря о том, что это «комплексное образование», включающее в себя всю правовую идеологию и отражающееся во всех элементах структуры правосознания. Ментальность вообще определяется как «этническая традиция» и связывается с мировоззрением конкретного этноса⁹⁶.

---

⁹³ Байниязов Р.С. Правосознание и правовой менталитет в России. Саратов, 2008. С. 80.

⁹⁴ Там же. С. 82.

⁹⁵ Поляков А.В. Общая теория права и государства. Санкт-Петербург, 2001. С. 54.

⁹⁶ Там же.

На наш взгляд, такая точка зрения наиболее приближена к реальности. Под правовой аксиологией профессор А.В. Поляков и профессор Е.В. Тимошина понимают совокупность правовой идеологии и правовой психологии, причем идеологией предлагается считать «систематизированные представления о правовой действительности, в основе которых лежат определенные ценностные посылки»⁹⁷, а правовой психологией называет «несистематизированное и нерационализированное ценностное восприятие правовой действительности в виде правовых чувств, эмоций и переживаний»⁹⁸. В состав правовой психологии входят сфера бессознательного, представленная, во-первых, надындивидуальными надсознательными явлениями – архетипами коллективного бессознательного; а во-вторых, неосознаваемыми побудителями деятельности – мотивами и смысловыми установками личности.

Такая точка зрения идеально отражает позицию автора настоящего исследования в отношении содержания правового менталитета. Единственная ремарка: мы считаем, что разделить правовую идеологию и правовую психологию в таком контексте не представляется возможным. Так, мотивы и смысловые установки личности, так называемое «личное бессознательное», формируется на базе архетипа и влияет в свою очередь на его формирование, а сам архетип как «коллективное бессознательное» – это фактически тот же миф, только в «разархивированном» виде. Ведь именно «миф – основа ментальности, он – ментальная память»⁹⁹.

Кроме того, А.В. Поляков и Е.В. Тимошина включают правовую аксиологию, как часть правового менталитета, в правосознание. Авторы, правда, отмечают, что правовой

---

⁹⁷ Поляков А.В., Тимошина Е.В. Указ. соч. С. 159.

⁹⁸ Там же.

⁹⁹ Малахов В.П. Мифы современной общеправовой теории: монография. Москва, 2013. С. 6.

менталитет не исчерпывается правосознанием и «раскрывается в специфике правопонимания, правочувствования и правовидения»¹⁰⁰. Таковую или похожую позицию занимают и большинство исследователей данного феномена. Мы считаем такой подход не совсем оправданным, полагая, что правовой менталитет – это самостоятельный элемент правовой культуры общества, относящийся к ее духовному уровню. Да, фактически, право – это явление, которое существует лишь пока существует общество, причем общество, осознающее и познающее окружающий его мир. Иными словами, право – порождаемое социумом явление, не существующее вне его. Явление объективно-субъективное, в котором объективность обусловлена независимостью от конкретного субъекта, а субъективность – нежизнеспособностью вне социума. По мнению А.В. Полякова и Е.В. Тимошиной, право не имеет вневременного бытия, как, например, истины математические, оно «представляет собой и объективную идею, и определенную сферу правосознания, через которую правовая идея находит свое отражение, как в реальном поведении субъектов, так и в материальной правовой культуре, т.е. представляет собой сложный идеал-психический и социокультурный феномен». Таким образом, применив широкую трактовку сознания как совокупности самосознания, рассудка, разума и духа¹⁰¹, мы приходим к тезису о том, что правовое сознание – это источник и единственный способ рождения, легитимации и активации любых ценностей, действующих в правовой сфере.

Право в принципе рождено сознанием, причем рассудочной его частью, в гораздо большей степени, чем какой-либо иной социальный регулятор. Выше мы уже рассуждали на тему того, что право пытается интеллектуализировать деятельность, рационализировать ее. Но при этом

---

¹⁰⁰ Поляков А.В., Тимошина Е.В. Указ. соч. С. 164.

¹⁰¹ Сознание (философия). URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/>

лишиться своего социокультурного наполнения для права – путь к «юридической эрозии», потере определенных правокультурных ценностей, место которых сразу занимает юридическая фальшивость и аномалия¹⁰². Праву при таком варианте грозит потеря его истинной сущности и превращение в юридический формализм, недейственный квазирегулятор. Ведь глубинным источником идентификации правовых отношений выступает именно жизненный уклад народа: воззрения, идеалы, нормы, институты, реакции, обыкновения, образы, символы и архетипы конкретной социальной общности.

Все это, безусловно, так. Но мы предлагаем в данном случае отойти от восприятия сознания как комплексной категории, включающей в себя все виды отношения человека к миру, и в методологических целях ограничиться его определением как способности соотноситься с миром, сознать предмет. В ином случае нам просто придется признать, что и само право, и правовая культура, и все правовые явления – это лишь та или иная составляющая правосознания, что было бы совершенно верно с одной стороны и совершенно методологически бесперспективно с другой.

Мы же предлагаем разграничить мышление и полуинстинктивное чувство или переживание. ПОДСознание, ПРЕД-рассудок. И подсознание не относится к результату мышления и соотнесения себя с миром. Это – ДОсознание. Переживание и следование архетипам, в нем заложенным, таким образом, проходит по схожему с механизмом действия инстинктов варианту. Поэтому правовой менталитет – это именно ДОсознательный уровень. Это – так называемые «дорефлексивные» составляющие правовой культуры. В ценностной сфере есть как вполне сознаваемые аспекты, выявляемые всякий раз при необходимости

---

¹⁰² Байниязов Р.С. Правосознание и правовой менталитет в России. Саратов, 2008. С. 70.

обосновать свой выбор, оценку или поведение (и мы считаем, что они будут находиться на сознательном уровне, станут результатом рефлексии индивида); так и действенные, но плохо или совсем не осознаваемые составляющие, формирующиеся на дорефлексивном ПОДсознательном уровне, но которые, однако, мотивируют реально осуществляемые выборы базовых ценностей и, соответственно, поведение в правовой сфере. Именно их мы и предлагаем объединить в понятие «правовой менталитет». Используя уже упоминавшуюся формулу профессора Р.С. Байниязова, правовой менталитет – это «дух» правовой культуры.

До 90-х годов в России в принципе не существовало проблемы изучения духовной компоненты правовой системы потому, что она считалась жестко предопределенной государственной идеологией. Л.А. Петручак отмечает, что понятие «правовой менталитет» фактически вывело исследования правовой культуры из узкой государственно-законодательной трактовки в более широкую сферу внепозитивных правовых явлений и является ключом к пониманию правовой культуры, правосознания и правового поведения¹⁰³.

Одним из первых поднял вопрос о культурно-цивилизационной обусловленности права и о его ценностно-ментальной сущности А.И. Овчинников, который предложил рассматривать право прежде всего как продукт конкретного этноса и считать основной характеристикой «почвы» любого социального института его ментальное

---

¹⁰³ Петручак Л.А. Правовая культура современной России: теоретико-правовое исследование: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. URL: <http://dissers.ru/avtoreferati-doktorskih-dissertatsii1/a128.php> (дата обращения: 25.05.2023)

измерение¹⁰⁴. Продолжил рассуждения такого рода В.Н Синюков, один из основоположников культурологического подхода к исследованию права и правосознания. По мнению этого авторитетного российского правоведа, понятие правовой ментальности является «подлинно методологическим, позволяя свести в одно духовное целое... сохраняющиеся на протяжении длительных исторических периодов «сквозные» правовые архетипы»¹⁰⁵.

Чтобы наглядно проиллюстрировать нашу концепцию правовых архетипов как структурных элементов правовой культуры, рассмотрим процесс формирования первичного правового архетипа на примере архетипа свободы – базового для правовой культуры общества.

Как уже было упомянуто, роль права в обществе во многом определяется содержанием одной из абсолютных ценностей любого социума – свободой. На настоящем этапе существования практически любой цивилизации свобода относится уже, на наш взгляд, к разряду внерациональных, аксиоматичных по содержанию ценностей. Когда-то же само отношение к свободе, ее содержанию в конкретном обществе, вытекало из объективной, диктуемой условиями существования, необходимости. Западноевропейская цивилизация, развитие которой проходило в более мягких условиях (в частности, климатических), имело возможность сделать свободу объектом разумного осмысления. Как следствие, в этих обществах был сформирован начальный стереотип субъекта свободы в виде свободного самоценного человека. Как следствие, появившееся в этих обществах право было во многом средством установления формального равенства, объективации разумной свободы

---

¹⁰⁴ Овчинников А.И. Самобытность российской правовой ментальности и методология ее осмысления в юридической науке // Северо-Кавказский юридический вестник. 2003. № 1. С. 53.

¹⁰⁵ Синюков В.Н. Указ. соч. С. 224.

одного в рамках свободы других. В традиционных (потестарных, по терминологии В.А. Четвернина) цивилизациях свобода в большей степени носила характер резкого ограничения. Древний человек не мог объяснить большей части природных процессов, но не мог и абстрагироваться от их наличия. Поэтому основным средством начального регулирования общественных отношений и взаимоотношений с миром в традиционных цивилизациях становится совершенно другой стереотип: свобода – это дарованная свыше ограниченная возможность. Свобода (а впоследствии и право) зависит не от самого человека, а от чего-то потустороннего, «высшего». Таким образом, свобода как ценность в таких обществах вторична по отношению к этому «чему-то» (религии, морали и т.д.).

Существует мнение (пример – приведенные в предыдущей главе взгляды профессора В.С. Нерсесянца), что право синонимично понятию не свободы, а справедливости. А свобода в юридическом ракурсе категория чисто формальная. Мы же считаем, что справедливость – это правовая данность, суть которой вытекает из ценностного стереотипа свободы, существующего в конкретном обществе. Известный российский теоретик Р.С. Байниязов говорит о том, что «главное в праве – необходимость проявления им справедливых начал в той мере, в которой это возможно осуществить с помощью юридических средств. Справедливость должна быть духовной инвариантой правовой системы общества»¹⁰⁶. С этим утверждением можно согласиться, но с оговоркой, что «справедливые начала» должны вытекать из понимания сущности свободы в конкретной культуре.

Описанный выше механизм – наш взгляд на процесс формирования первичного правового архетипа (в описанном варианте архетипа свободы), который эволюционирует

---

¹⁰⁶ Байниязов Р.С. Правосознание и правовой менталитет в России. Саратов, 2008. С. 10.

из мифа в процессе культурной дифференциации. А миф – «средство для выполнения основного предназначения, с которым он ассоциируется, – для освоения (обживания, присвоения) человеком мира для обретения возможности жить в нем... Миф – механизм перевода реальности в культуру, перевода неизбежности в ценность»¹⁰⁷. Таким образом, роль права в обществе будет фактически зависеть от типа цивилизации, от хода ее развития и от того, какой социальный регулятор играет с древнейших времен первичную роль в определении социальных позиций личности.

Охарактеризованные выше стереотипы, базируются на уникальных абсолютных ценностях определенного этноса, присущих правовой культуре общества как разновидности его общей культуры, и коренятся в элементах ее духовной части, а именно в правовом менталитете и правовом архетипе как его первичных составляющих.

Одной из задач нашего исследования является определение понятия правового менталитета и правового архетипа как элементов правовой культуры, отражающих базовое ядро культуры конкретного социума, а также установление их места и роли в этом полисистемном образовании. На наш взгляд, при всей видимой теоретичности, исследование этого вопроса имеет весьма прагматичную окраску. Так, профессор психологии Гарвардского университета Уильям Джеймс, одним из первых обративший внимание на взаимодействие личности и среды, отмечает, что «идеи становятся верными лишь настолько, насколько они соотносятся с нашим опытом»¹⁰⁸. То есть те психологические и философские теории и концепции, которые мы затрагиваем

---

¹⁰⁷ Малахов В.П. Мифы современной общеправовой теории: монография. Москва, 2013. С. 7, 10.

¹⁰⁸ Фрэйджер Р., Фэйдимен Д. Теории личности и личностный рост. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Psihol/freydjer/10.php (дата обращения: 20.05.2023).

в процессе исследования, необходимо рассматривать не как демагогические рассуждения о человеческой природе, но лишь как инструменты, позволяющие прогнозировать будущее конкретное поведение субъекта в правовой сфере.

Анализируя процесс формирования правовых традиций в обществе, судья Конституционного Суда РФ, известный специалист в области конституционного права К.В. Арановский отмечает важную закономерность: «чтобы быть целостным и способным мотивировать правовое поведение, мировоззрение должно быть сравнительно простым для понимания. Иначе оно приняло бы вид научной системы и стало для многих недоступным. Свободное от усложнений, оно руководит даже высокообразованными людьми. Сложные построения, наоборот, не столько управляют поведением, сколько объясняют его и дают обоснования общечеловеческим правилам и принципам, идеям и ценностям, действующим непосредственно»¹⁰⁹. А все самое простое и удобное для обыденного понимания и следования содержится именно в ментально-архетипических установках, а не в сложных идеологических концепциях и доктринах. Теряя опору на архетипическую составляющую, общество тем самым теряет единый вектор ментальной жизни, что в итоге может привести к ценностной дезинтеграции и потере индивидами способности к полноценной самоидентификации.

На наш взгляд, исследования правового менталитета должны в большей мере носить социологический и культурологический характер. А с точки зрения социологов, менталитет любой культурно-этнической общности имеет свое устойчивое ценностно-нормативное ядро и изменчивый внешний слой. Причем между этими структурами нет непреходимой грани. Под ценностно-нормативным ядром менталите-

---

¹⁰⁹ Арановский К.В. Указ. соч. С. 41.

та имеем в виду в первую очередь иерархию определенных абсолютных ценностей, которые сформируют ядро менталитета или его внутренний, основной слой – базовые культурные архетипы и стереотипы конкретного этноса.

Внешний же слой этнокультурного менталитета образуют ассимилированные из чужих культур ценности. Обмен между элементами ядра и внешнего слоя, вызывающий процессы трансформации внутри менталитета, происходит под воздействием факторов социальной среды. Актуализировать энергию ценностей и норм, входящих в состав ядра менталитета, могут, по-видимому, только те ценности и нормы, которые им адекватны или, по крайней мере, не противоречат им¹¹⁰.

Таким образом, предлагаем считать правовой менталитет дорефлексивным, предсознательным уровнем правовой культуры, состоящим из ядра – набора правовых архетипов конкретного этноса и формирующегося на их базе «личного бессознательного»; и внешнего слоя, представленного заимствованными ценностями, но только в случае если они соответствуют сущностной ценностной составляющей ядра. В ином случае может случиться, что субъект, рефлексировав по поводу правового смысла этнической традиции права и соотнося его с привнесенными ценностями, не примет их, не поймет, но, чтобы остаться хотя бы формально в лоне существующего юридизма, превратится лишь в условно законопослушную личность, а точнее сказать, конформистскую. То есть его правовое поведение будет не правокультурноактивным, инициативным, а конформистским (удобным). Безусловно, это вовсе не исключает правоактивного поведения с его стороны. Но оно уже не будет тем целостным, смыслоосознающим, а тем самым и правдивым (с нравственной точки зрения), как это было

---

¹¹⁰ Смоленский М.Б. Правовая культура и идея государственно-сти // Государство и право. 2009. № 4. С. 104.

бы в случае духовного принятия правового смысла данной традиции права¹¹¹.

Архетипы же, как основа правового менталитета, по сути и представляют собой ту самую этническую традицию права. А формируются они на базе мифов, предрассудочных конструкций, лежавших на начальных этапах развития общества в основе всей социальной регуляции. Миф – это вымысел, сказка, легенда, что делает его предельно доступным для понимания. И миф исполняет самую глобальную человеческую мечту – освобождает нас от ответственности, мотивируя необходимость соответствующего поведения тем же, что и абсолютная ценность – ничем. Данностью. Так надо. И все. Трудно не согласиться с В.П. Малаховым, который, исследуя понятие мифа, говорит о том, что «в мифе всегда непреложен и неизбежен путь, по которому судьба ведет или тащит. Рок – праотец законов природы, и потому миф – своеобразный способ сбережения и ретрансляции знаний»¹¹².

---

¹¹¹ Байниязов Р.С. Правосознание и правовой менталитет в России. Саратов, 2008. С. 62.

¹¹² Малахов В.П. Мифы современной общеправовой теории: монография. Москва, 2013. С. 6.

Глава 2. ВЛИЯНИЕ ПРАВОВОГО АРХЕТИПА КАК ЭЛЕМЕНТА ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ ОБЩЕСТВА НА РАЗВИТИЕ ПОСТПАНДЕМИЙНОГО МИРА*

С точки зрения основных доминирующих ценностей, закрепленных в миропонимании и правопонимании, обычно выделяют так называемую западную и восточную культурные правовые традиции. Многие современные правоведы полагают, что такого рода различия, как и указанная дифференциация в целом, – архаизм, а «конвергированные» правовые системы (в прошлом западного и восточного типа) на настоящем этапе представляют собой модели одного содержательного типа. Считаем невозможным согласиться с таким утверждением. Для начала обозначим основные различия между указанными традициями, в частности, в той роли, которую играет право в жизни общества, и самом понимании права как абсолютной ценности. Впоследствии на базе выявленных дифференцирующих моментов мы объясним свою позицию по поводу их значения для современного правового регулирования.

Итак, для западной правовой традиции, также именуемой индивидуалистической, право является основной системообразующей ценностью, вознесенной на пьедестал и, в

---

* Исследование выполнено при поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации и Экспертного института социальных исследований № FZUG-2022-013 «Социокультурное кодирование политической динамики и общественного согласия в цифровую эпоху: модели и технологии реализации».

свою очередь, ставшей основой для формирования другой глобальной ценности – режима демократии. Таким образом, западное право – синоним индивидуальной свободы, демократия – форма ее наиболее успешной реализации. Со времен Аристотеля и древнегреческого полиса одна из самых существенных характеристик западного права – применение равного масштаба к неравным лицам¹. Основа западноевропейской культуры – так называемая концепция «private life» – означает, что индивид вправе самостоятельно и совершенно свободно распоряжаться своей жизнью во всех ее сферах, при этом не нарушая рамок свободы других. «Человек ответственен только за ту часть своего поведения, которая касается других. В остальном – абсолютно независим. Над собой, своим телом и душой личность суверенна»². То есть западная справедливость – это формально равная свобода индивидов, отвечающих самих за себя, тогда как «в восточной культуре – вектор движения совсем иной, справедливость не устанавливается, а восстанавливается как утраченное равновесие или гармония»³. Образно выражаясь, западное общество устанавливает равные «правила игры» для всех своих членов, но оно не ответственно за тех, кто с игрой не справился. Таким образом, моральные и правовые ценности четко разведены⁴.

В восточных же, так называемых коллективистских культурах, право (по крайней мере, в его западном пони-

---

¹ Мирошниченко О.И. Архетипическая составляющая права как основа дифференциации западной и восточной правовой традиции // Гражданин и право. 2016. № 1. С. 44.

² Милль Дж. О свободе // Наука и жизнь. 1993. № 11. С. 11.

³ Степанянц М. Т. Россия в диалоге культур Восток–Запад. URL: <http://dialog-kultur.ru/main.php-G=550500000&ar3=200&ID=431220.htm> (дата обращения: 24.04.2020).

⁴ Мирошниченко О.И. Архетипическая составляющая права как основа дифференциации западной и восточной правовой традиции // Гражданин и право. 2016. № 1. С. 43.

мании как источника индивидуалистической свободы) всегда было вторичным по отношению к религии и морали, оно, по факту, всегда оценивалось на предмет соответствия/несоответствия указанным социальным регуляторам. Мы уже отмечали, что право является лишь частью общего культурного пласта. В архаичном социуме все социальные нормативы, слитые воедино, достаточно успешно осуществляли необходимое регулирование. В западном обществе, как было показано выше, право достаточно быстро преобразовалось в особый и весьма эффективный социальный регулятор, основанный на принципах реализации индивидуальной свободы и формальной справедливости. Так называемое «обычное право», если и осталось в ареале формально-юридического регулирования, то лишь в качестве вторичного источника позитивного права. В восточных же обществах процесс правогенеза пошел совсем другим путем⁵.

Если основой западной цивилизации является независимый индивид, который «...научился отстаивать индивидуальные ценности, ...уходит от общего «мы» и заменяет его индивидуальным, а порой, и эгоистичным «я», что заставляет его вступать в постоянную борьбу за свою духовную, интеллектуальную, нравственную независимость...»⁶, то восточная антропогенная аксиома звучит иначе: человек важен сам по себе, не как индивид, а как часть коллектива. Запад акцентирует внимание на разуме, на научно-техническом прогрессе, на важности и уникальности человека как отдельной личности. Восток же долгое время в принципе не приемлет науку как самостоятельный вид дея-

---

⁵ Сигалов К.Е., Мукиенко И.Н. Еще раз о загадках русской правовой культуры // Пространство и время. 2016. № 1-2. С. 170–171.

⁶ Сигалов К.Е. Идеино-ценностные основы формирования западноевропейского права // Пространство и время. № 1-2(19-20). 2015. С. 25.

тельности, делает акцент на духовности. Неудивительно, что основой восточного права (как приемлемого и почитаемого в обществе реального регулятора общественных отношений) стало так называемое «неписанное» или «неотдифференцированное, обычное право», которое, во-первых, было в основном сконцентрировано на уровне таких категорий, как «совесть», «стыд», «чувство вины», «раскаяние», «покаяние» и др., далеких от западных позитивистско-юридических понятий; а во-вторых, основным условием его эффективности было внутреннее обязывание и долженствование⁷.

Но все вышеперечисленное не делало этот регулятор, который на Западе вряд ли получил бы статус правового, «меньше правом». Он выполнял свою функцию, и это главное. Более того, до сих пор во многих восточных обществах, например, в Японии, внесудебный способ урегулирования по содержанию вполне правовых споров, основан и включает в себя именно такие, внерационального типа, техники. Многие из них находят закрепление на законодательном уровне. Так, например, в 2009 г. в законе Японии «О финансовых инструментах и фондовых биржах» закреплено понятие системы альтернативного разрешения финансовых споров – системы ADR (financial ADR system). ADR фактически является институтом медиации и была создана в целях «быстрого, простого и гибкого» разрешения конфликтов⁸. В КНР же концепция примирения – лейтмотив законодательства в целом, включая основные положения гражданского и трудового права,

---

⁷ Мирошниченко О.И. Архетипическая составляющая права как основа дифференциации западной и восточной правовой традиции // Гражданин и право. 2016. № 1. С. 46.

⁸ Kazuyuki Ichiba. A New ADR System in the Japanese Financial Industry // JCAA Newsletter. No. 27 (January, 2012).

и всё судопроизводство ему подчиняется...»⁹. Об этом может свидетельствовать Закон КНР «О народном посредничестве»¹⁰. Рассуждая об этих моментах, разумно сослаться на авторитет известного французского антрополога Н. Рулана, который, анализируя особенности социального регулирования в восточных странах, делает вывод: «Многие традиционные общества не только выработали в правовой области оригинальные концепции, но, более того, часто использовали то, что мы считаем нашим собственным изобретением: закон, суд, наказание, контракт...»¹¹.

В.В. Бочаров, характеризуя особенности правовой культуры восточных государств на настоящем этапе, говорит о том, что сила «неписанного закона» генетически пронизывает все восточное общество¹². То есть фактически является коллективным бессознательным, которое и предполагает реальное правовое поведение и отношение к праву. Формальное же, или другими словами, позитивное право, воспринимается на Востоке как нечто чуждое «нормальному» человеку, то, чего нужно стараться избегать всеми возможными способами – с одной стороны, а с другой стороны, – то, что в силу традиционного страха перед принуждением привыкли соблюдать. И здесь нужно вспомнить еще об одном элементе-особенности Востока как части правового мира: о специфике азиатской формы развития в целом. Тяжелые климатические и гео-

---

⁹ Марков С.М. Переговоры и медиация при разрешении трудовых споров: опыт КНР. Юридический процесс: теория и практика: сб. статей преподавателей, аспирантов, студентов юрид. факультета. Хабаровск, 2012. С. 113.

¹⁰ Закон КНР от 28.08.2010 года «О народном посредничестве» (вступил в силу с 1 января 2011 года). URL: www.chinalawinfo.ru (дата обращения: 24.04.2020).

¹¹ Рулан Н. Юридическая антропология. Москва, 2000. С. 299.

¹² Бочаров В.В. Неписанный закон: антропология права: научное исследование. Санкт-Петербург, 2013. 328 с.

графические условия, невозможность выживания в одиночку привели к тому, что социальная дифференциация в восточном обществе происходила на основе политического неравенства. Экономика была основана на государственной и общественной форме собственности, частная собственность – краеугольный камень западной свободы – либо не играла сколько-нибудь значимой роли, либо в принципе появилась на стадии, когда государство уже было сформировано. Как следствие, восточный человек был гораздо более стеснен и напуган природой, нежели западный. И этот иррациональный страх перед неизведанным, а не осознанное рациональное понимание необходимости сосуществования, как на Западе, становится основой повиновения перед всеильным лидером/государем/государством. Непререкаемой, неоспариваемой и неоцениваемой, но, как ни странно, гораздо более эффективно работающей, нежели рационально-осмысливающий вариант Запада. Логично, что основным источником социальной регуляции на Востоке становятся сборники нравственно-религиозных положений. Нормы носят казуистический характер и дополняются в случае необходимости другими обычаями или установлениями монарха, воспринимаемого как полубог¹³.

Таким образом, западное право защищало субъекта правоотношений, обеспечивая его права, тогда как восточная культура через право преимущественно воспитывала. Так или иначе, обе традиции стремятся к гармонии. Однако, если для европейца характерна формула «личное благо является залогом общесоциального...», что предполагает «возможность открытого конфликта, отстаивания собственных прав», то для гражданина, например, Китая «понятие гармонии тесно взаимосвязано с идеей ранжированно-

---

¹³ Мирошниченко О.И. Архетипическая составляющая права как основа дифференциации западной и восточной правовой традиции // Гражданин и право. 2016. № 1. С. 45-46.

сти и упорядоченного функционирования субъекта как элемента общества», «вытекающее из конфуцианской идеи «совершенного мужа», готового ради общественного блага (гармонии) поступиться собственными интересами»¹⁴.

Традиционно в современной политико-правовой науке устройство общества в рамках генерализованного режима демократии считается наиболее перспективным. Логично из вышесказанного вытекает и то, что идея демократии, как механизма в полной мере реализующего индивидуальные права и свободы, стала популярной именно в западных государствах. Плюрализм мнений, возможность самостоятельно формировать органы управления, разделение государственной власти на три одновременно не зависимые и зависимые друг от друга ветви – все это результат борьбы потомков древних греков со знаменитым «гоббсовским абсолютистским Левиафаном». Как следствие, конституирующим признаком современных западных демократий является развитое гражданское общество, которое, в свою очередь, формируется благодаря активному участию граждан в политической жизни.

На Востоке идеи демократизации в той или иной мере получили свое развитие только во второй половине XX века. Но это не была западная «власть народа», это был именно восточный либерализм, основой которого стала жесткая дисциплина, приоритет публичного права, централизованный метод регулирования как основа организации правовой системы и... все тот же приоритетный способ разрешения конфликтов вне правового поля.

В послевоенное время именно Запад стал центром развития цивилизации. Неудивительно, что и демократия стала считаться наиболее перспективным политическим сюжетом, а «гражданское общество стало восприниматься как

---

¹⁴ Малиновская Н.В. Особенности понимания права в Китае: проблемы совместимости с европейской концепцией // Современный ученый. 2019. № 4. С. 324.

некий высший уровень социального развития, достигнутый странами Запада, на который всем остальным надо равняться»¹⁵. В рамках глобализации и конвергенции делались попытки интеграции основных либеральных институтов в политико-правовое поле «развивающихся государств». Развитие информационно-коммуникационных технологий серьезно ускорило этот процесс. Казалось, что момент реальной «прозрачности» государственного управления и, как следствие, потенциального полного контроля общества над деятельностью государственных органов действительно близок.

Гражданское общество получило возможность обсуждения наиболее актуальных проблем в режимах видеочатов, мессенджеров, онлайн-переводчиков, уже без всякой привязки не только к месту нахождения лиц, но даже и к языку и конкретному государству благодаря тому, что «интернет способствует размыванию существовавших границ и иерархий...», «процесс получения информации сократился до нескольких кликов на странице браузера...»¹⁶, «социальные медиа способствуют росту уровня гражданского самосознания»¹⁷ и т.д. Отнесение в резолюции ООН от 3 июня 2011 г. права на доступ в интернет к числу базовых и неотъемлемых прав человека в современном мире¹⁸, как

---

¹⁵ Вершинин А.А. Становление гражданского общества на западе: история и осмысление // *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. 2014. №2. С. 52.

¹⁶ Азнагулова Г.М., Заманов А.Р. Влияние интернет-технологий на развитие гражданского общества в современной России // *Аллея науки*. 2019. Т.1. № 5 (32). С. 596–600.

¹⁷ Лозинская Е.В., Зубарева Е.Г. Интернет-коммуникации как инструмент политической борьбы и развития гражданского общества в XXI веке // *Социально-экономические и гуманитарные науки: сб. избранных статей по материалам международной научной конференции (Санкт-Петербург, декабрь 2019)*. Санкт-Петербург, 2020. С. 56.

¹⁸ Гаврилова Ю.А., Фалалева И.Н. Концептуально-правовые основы электронной России // *Вопросы российского и международного права*. 2018. Т.8. № 12 А. С. 12.

следствие, доступ к информации, обмен информацией стали настолько общедоступными явлениями, что, казалось, действительно наступил предсказанный Лоуренсом Гроссманом «момент истины»¹⁹ – великая эпоха цифровой демократии, электронная республика.

А потом наступил декабрь 2019 года. Уханьская эпидемия коронавируса, которая сначала коснулась исключительно восточных государств.

На этот же период пришелся всплеск «цифрового творчества». В связи с массовым внедрением ограничительных цифровых технологий, все чаще можно было встретить газетные заголовки следующего содержания: «Коронавирус испытывает демократию на прочность», «Убьет ли вирус демократию?» и др. Поводом к подобного рода обсуждениям стал вопрос о балансе между соблюдением фундаментальных прав человека, сохранением человеческой популяции и стремлением современными и эффективными способами предупредить распространение COVID-19.

Очевидной тенденцией ковидного периода стало повсеместное ограничение прав и вынужденный отход от образа демократичного государства. Однако, если граждане стран, декларирующих демократический режим, оказались психологически не готовы к достаточно жестким цифровым мерам, то аналогичный инструментарий изначально авторитарных государств не вызвал среди местного населения существенного недовольства²⁰.

Так, например, достаточно неоднозначной новостью, предшествующей антиковидным цифровым ограничениям,

---

¹⁹ Grossman L.K. The Electronic Republic: Reshaping Democracy in the Information Age. N. Y.: Viking Penguin, 1995. 290 p.

²⁰ См. Matthew Carney. Leave no dark corner. URL: <https://mobile.abc.net.au/news/china-social-credit-a-model-citizen-in-a-digital-dictatorship/10200278?nw=0&pfmredir=sm&fbclid=IwAR1NkKQPSwzOHZ47TREN6wfnOqb6QLvEmaEsrohy6J3UMmNkKw9KjI2khM>.

стало внедрение в 2019 году в социальный мессенджер WeChat, активно используемый китайскими гражданами, карты должников²¹. По замыслу властей приложение должно раскрывать местоположение должника в радиусе 500 м. Данными, подлежащими раскрытию, также стали имя, номер ID и проступок, за который гражданина включили в черный список. Подобная мера не стала единственным средством предупреждения финансовых правонарушений. Также в Китае на мобильные телефоны дискредитированных лиц были добавлены обратные голосовые сообщения²². Таким образом, приложение напоминает, что вы совершаете звонок абоненту, включенному в черный список.

В период же распространения коронавирусной инфекции одной из самых тревожных для демократических обществ антиковидных мер стало использование инновационных программ и приложений в целях «коронаслежки». Например, за исполнением карантина на Тайване следит «электронный забор», так назвали местные власти свою систему цифрового надзора за населением. Суть нововведения заключалась в том, что граждане получают уведомление, если мобильный телефон лица, находящегося на карантине, не подает сигналов больше 15 минут²³. Также с помощью данных мобильных операторов проходило слежение за перемещениями граждан. Цель состояла в помещении на карантин всех лиц, контактировавших с больным

---

²¹ Hebei court unveils program to expose deadbeat debtors // China daily.com. URL: <http://www.chinadaily.com.cn/a/201901/16/WS5c3edfb8a3106c65c34e4d75.html>.

²² Xinmei Shen. A WeChat program shows when people on a credit blacklist are near you // Tech in Asia. URL: <https://www.techinasia.com/deadbeat-map-shows-people-financial-blacklist>.

²³ Атанесян Г. Коронаслежка: "Большой брат" как выход из карантин // BBC news. URL: <https://www.bbc.com/russian/features-52234723>.

(от членов семьи до случайных попутчиков в транспорте) в течение двухнедельного срока²⁴.

Таким образом, цифровая ковидная политика власти изначально была построена на привычных принципах функционирования государства. Подобные меры для конкретного общества являются предопределенными и устойчивыми в связи с его нормативной культурой, т.е. усвоенными правилами жизнеобеспечения. Так, антиковидные планы для населения, доверяющего существующим авторитарным механизмам в качестве средства собственной защиты со стороны властных структур, соответствовали парадигме восприятия системы управления. С этой точки зрения у граждан, привыкших к определенным ограничениям, т.е. воспринимающих политику государства-кормильца в качестве шаблонной, не возникнет футурошока, некогда описанного Э. Тоффлером.

Тоталитарный Китай справился ожидаемо легко, с помощью жёстко централизованных мер. Так, У. Энгдаль отмечает, что «...никогда прежде в истории современного общественного здравоохранения правительство не помещало целый город на карантин...»²⁵. Южная Корея и Япония обошлись введением того, что впоследствии в Российской Федерации назовут «полумерами». Иными словами, это была «настоятельная просьба» публичной власти к гражданам не выходить из дома, с введением штрафов, которые по размеру не сопоставимы с теми, которые позже были введены в Европе («восточные» штрафы, как ни странно, были гораздо ниже). По словам главы Министер-

---

²⁴ Атанесян Г. Коронаслежка: "Большой брат" как выход из карантина // BBC news. 12.04.2020. URL: <https://www.bbc.com/russian/features-52234723>.

²⁵ Engdahl F.W. Lock S., This Is No Futuristic Scenario: Panic and the Post-Pandemic Future? 2020. March 10. URL: <https://www.global-research.ca/lock-step-no-futuristic-scenario/5705972>

ства внутренних дел Франции Кристофа Кастанера, с 17 марта за несоблюдение мер по ограничению перемещений во Франции выписано 359 тысяч штрафов (информация на 01.04.2020), размер которых варьируется от 135 до 3750 евро²⁶. Это в сотни раз выше, чем, например, реализованные штрафные санкции в Южной Корее. И тем не менее, уже сегодня можно констатировать, что восточные государства справились, обойдясь минимальными потерями, а западные до сих пор проходят этот тяжелый путь.

Итак, Запад. Опустим неправомерные моменты эпидемии. Полагаем, что авторы, не будучи специалистами в медицине и тем более эпидемиологии, не могут сколько-нибудь аргументировано рассуждать о необходимых с этой точки зрения мерах реагирования. Поэтому мы затронем лишь политико-правовой аспект. Так вот, на наш взгляд, в западных государствах случился реальный политико-правовой коллапс, вызванный неспособностью развитых демократических государственных структур справиться с кризисной ситуацией. Этот тезис нуждается в конкретизации: на наш взгляд, кризисная ситуация была серьезно катализирована описанными выше весьма демократическими «цифровыми нововведениями». Пьедестал западной демократии – свобода слова и выражения собственного мнения – стал «подрывной бомбой» в сложившихся условиях. Вирус, который на Востоке, благодаря жесткой дисциплине и ментальной уверенности граждан в необходимости следовать властным велениям, какими бы неразумными они ни казались, остался лишь медико-биологическим, на Западе превратился в реальную медиаугрозу.

Однако стоит все же отметить, что современные демократические государства, в том числе развитые технологи-

---

²⁶ Во Франции за две недели выписали 359 тысяч штрафов по карантину // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20200401/1569432479.html>

чески, скорее в исключительном порядке, вводили точечные беспрецедентные меры борьбы с пандемией. Полагаем, что подобные случаи свидетельствуют о некоторой практической готовности государства как властно-территориальной организации общества одновременно сменить аксиологическую направленность в угоду более значимым ценностным ориентирам. Биологическая безопасность рода видится именно таким критерием.

Так, например, польские специалисты разработали приложение «Домашний карантин», которое несколько раз в день случайным образом присылает требование загрузить фотографию (селфи) владельца телефона в течение 20 минут. В случае игнорирования сообщения органы внутренних дел имели правомочие проверки местонахождения лица²⁷.

Подобные меры были осуществлены и во Франции. Несмотря на то, что в приложении используется протокол отслеживания близости, гарантирующий, что собранные сведения не будут индивидуализированы, среди ученых высказывались опасения о сборе данных в целях массового слежения²⁸. Уже спустя неделю после запуска проекта, стал очевиден его провал. Дело в том, что скачивание приложения было добровольным, а его эффективность зависела от числа таких скачиваний, которое не превысило 2% от количества проживающих за первую неделю внедрения²⁹.

---

²⁷ Цифровые технологии и кибербезопасность в контексте распространения COVID-19 // Официальный сайт Счетной палаты Российской Федерации. URL: <https://ach.gov.ru/upload/pdf/Covid-19-digital.pdf>

²⁸ Страновой обзор: Опыт Франции в борьбе с COVID-19 // Официальный сайт Счетной палаты Российской Федерации. URL: <https://ach.gov.ru/upload/pdf>

²⁹ Афанасьева Е. Приложения для отслеживания COVID-19 провалились // Octagon.media. URL: https://octagon.media/mir/prilozheniya_dlya_otslezhivaniya_covid_19_provalilis.html.

Таким образом, очевидно, что ограничения, введенные властями государств, в том числе цифровые, оцениваются довольно неоднозначно. Так, например, некоторые ученые считают, что у общества «возникает устойчивое ощущение, что технология работает в одну сторону: речь идет о прозрачности только со стороны граждан, что недопустимо в демократическом обществе»³⁰. Другие отмечают особую обеспокоенность зарождающейся тенденцией цифрового тоталитаризма. Доктор философских наук М.Д. Щелкунов высказал мнение о том, что «репетиция» цифрового будущего подтвердила опасения: цифровое манипулирование сознанием людей, потерю приватности индивидуального бытия, создание глобальной системы тотального электронного контроля над человечеством³¹. В целом, анализ литературы ковидного и постковидного периода показал, что эксперты, хоть и высказывали обоснованные опасения, но в большей степени доверяли противопандемийным мерам, как разумным ограничениям в текущих обстоятельствах. Часто можно было встретить мнение, согласно которому стремительная цифровизация стала закономерным технологическим ответом, стремящимся уменьшить биологическую уязвимость человека³². Например, по оценке докторов социологических наук М.Ю. Попова, С.И. Самыгина и П.С. Самыгина, меры, связанные с ограничением прав и свобод граждан в условиях пандемии коронавируса, в целом соответствуют

---

³⁰ Гайворонская Я.В., Мирошниченко О.И., Шакиров С.Ш. Тенденции и уроки антикризисного правового регулирования в период пандемии COVID-19 // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2021. № 2. С. 639.

³¹ Щелкунов М.Д. Общество в условиях пандемии: репетиция цифрового будущего // Вестник экономики, права и социологии. 2020. № 2. С. 11.

³² Быльева Д.С., Лобатюк В.В. Образ цифрового будущего общества через призму пандемии // Философская мысль. 2021. № 2. С. 11.

сложившейся сложной ситуации, представляющей объективную опасность и угрозу для населения.

На наш взгляд, общественный резонанс, вызванный государственными противоковидными мерами, связан не столько с характером самих ограничений, сколько с базовыми культурными доминантами, проявляющимися в архетипах общества.

В данном контексте интересен опыт Индонезии. Нежелание лидера государства Джоко Видодо вводить ограничения в виде карантина, как того требовала оппозиция в лице региональных властей, исследователи объясняют стремлением найти некий баланс между сдерживанием распространения вируса, сохранением здоровья нации и экономической безопасностью. Ведь в случае реализации карантинных мер и приостановки деятельности большинства предприятий с сопутствующим ростом массовой безработицы, правительство обязано взять на себя ответственность по обеспечению населения предметами первой необходимости, прежде всего продуктами питания и медикаментами, а также компенсировать бизнесу понесенные убытки. Существенный рост государственных расходов, по мнению ученых, поставил бы под сомнение возможность выполнения Джоко Видодо экономических и социальных обещаний собственной избирательной кампании 2019 года. Таким образом, ценности экономической стабильности и безопасности вкупе с репутацией эффективного лидера столкнулись с ценностями общей биологической безопасности нации.

В итоге сегодня западное государство столкнулось с серьезной проблемой: с одной стороны, базовым архетипом, ломка которого чревата серьезными социальными катаклизмами, стремлением граждан к свободе и формированию государства «для себя» с возможностью его контроля и высказывания собственного мнения по любому вопросу; с другой стороны, в отсутствие архетипа безусловного подчинения

государству как на Востоке и одновременно информационной «мусоркой» в рамках бесконтрольного интернета, вирусная «медиаугроза» становится опаснее самого биологического вируса. И мы видим, как в один момент весь инструментарий цифровой демократии оборачивается против общества, становясь источником всеобщей паники и сомнений.

Так есть ли выход из сложившейся ситуации? Наверняка. Самый простой и очевидный вариант – это элементарное уменьшение информационного потока, которым и нагнетается паника. Постепенное (или резкое) введение цензуры для сглаживания ситуации «изнутри» и стирания «медиаэффекта». Очевидно, сделать это можно только через введение чрезвычайного положения с серьезным изменением баланса сил между ветвями власти в сторону исполнительной для формирования возможности оперативного реагирования. Но не станет ли такая «защита» стартовым пунктом для гораздо более серьезных социальных катаклизмов? Ведь в обществе, где свобода является основной самооценностью, а интернет и киберпространство давно стали «terra nullius, к которому исторически созданные социальные регулятивы и законы не имеют никакого отношения и в рамках которого они будут воссозданы заново»³³, какое-либо ограничение в интернет-среде, да и в принципе в вопросах получения информации, будут восприняты как преступление против личности. Да и в каком западном государстве можно тотально ограничить информационный поток законным путем, даже в условия чрезвычайного положения?

По сути, отношение к цензуре как в морально-этическом, так и в политическом поле мышления определенной этнической группы понимается через конфликт ценностных ориентиров. То есть, опять же, является вопро-

---

³³ Барлоу Дж.П. Декларация независимости киберпространства. URL: <http://www.zhurnal.ru/staff/gorny/translat/deklare.html>.

сом менталитета и отношения к власти. И здесь мы возвращаемся к восприятию системы управления на Востоке и Западе. Так, например, феномен социального рейтинга в Китае давно стал объектом жарких научных дискуссий и критики. Действительно, если мыслить в рамках классических категорий прав человека и свободы, то 24-часовое слежение за человеком посредством камер и дронов – это не просто ограничение, это нарушение всех возможных прав и свобод. Интересно другое: как реагируют на нарушение собственных прав сами граждане Китая. Которые, кстати, совершенно спокойно восприняли жесточайшие ограничения в рамках карантина. Мы сейчас говорим о классическом представителе среднего класса, обладателе среднего социального рейтинга. Так вот, такой китайский гражданин считает себя защищенным, а не обиженным, зная, что за ним и другими следят камеры. А еще он или она совершенно уверены, что государство лучше знает, как сделать так, чтобы «каждый китаец мог получить наибольшие выгоды от системы»³⁴.

Таким образом, мы снова возвращаемся к вопросу доверия и восприятия управленческих решений, которые на Востоке не осмысливаются, а априорно принимаются; на Западе же они изначально становятся объектом жесткой критики и осмысления с точки зрения их соответствия правам человека. Таким образом, это вечный вопрос дуальных противоречий, таких как нравственный и политический плюрализм – монизм; свобода слова – цензура и т.д., соответственно свойственных европейской и восточной культурам.

Думается, что основное место в субъективизме восприятия социума занимает его нормативная культура, т.е. стандарты правильного для него поведения. Человек воспри-

---

³⁴ Matthew Carney. Leave no dark corner URL: <https://mobile.abc.net.au/news/2018-09-18/china-social-credit-a-model-citizen-in-a-digital-dictatorship/10200278?nw=0&pfmredir=sm&fbclid=IwAR1NkKQPSwz-OHz47TREN6wfnOqb6QLvEmaEsrohy6J3UMmNkKw9KjI2khM>.

нимает свое социальное окружение, а также другие общества в соответствии с усвоенными нормами и правилами.

Поэтому полагаем, что ограничение информационного поля в рамках западной культуры либо в принципе невозможно, либо возможно на весьма короткий период путем предоставления невероятно увлекательной альтернативы.

Объясним свою мысль. Основой современного мира является «макдональдизация – предопределенность потребления и заикленность общества на высоком уровне жизни. Иными словами, «повышение уровня жизни увеличивает шансы на выживание» не только демократии, но и любого политического режима³⁵. Мы полагаем, что единственное, что могло отвлечь субъекта от «ковидопаники» – это потребление, а уверить в правильности действия властей – повышение его собственного уровня жизни. Мы видим, что сегодня именно эти два пути используются большинством государств³⁶⁻³⁷.

Итак, совершенно очевидно, что классическая демократия, как политическое равенство и равенство гражданских прав, иными словами, демократия эпохи Просвещения, уже нефункциональна. Более того, в условиях цифровизации мы рискуем вернуться к тому режиму, который Платон называл «властью завистливых бедняков»³⁸, а Ари-

---

³⁵ Ахременко А.С., Петров А. П., Филиппов И.Б. Стабильность и выживание демократий: от гипотезы Липсета к производительности экономики // Политика: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики). 2018. № 3 (90). С. 87–112.

³⁶ Miller E. Missionary impossible: Pornhub offers free premium access to Italians struggling to get through coronavirus lockdown // RT. URL: <https://www.rt.com/news/482948-pornhub-free-italians-coronavirus/>.

³⁷ 17 сервисов, которые стали бесплатными на время карантина // Интернет-портал «Свойкировский.рф». URL: <https://kirovportal.ru/news/podrobnosti/17-servisov-kotorye-stali-besplatnymi-na-vremya-karantina-30488/>

³⁸ Платон. Сочинения. В 4-х т. Т. 3. Ч. 1 / под общ. ред. А.Ф. Лосева и В.Ф. Асмуса. Санкт-Петербург, 2007. С. 365.

стотель считал самым некачественной формой правления, при которой неимущие управляют в интересах своей же группировки³⁹. Плюс, как уже было показано, западный демократический вариант в условиях цифровизации совершенно неэффективен в кризисные периоды. Нам кажется, что в современных условиях весьма удачным выглядит вариант смешанной или переходной демократии (например, Российская Федерация), где в различных формах сочетаются и восточные и западные вариации. Но это тоже весьма спорно и является интересным вопросом для отдельного исследования.

Думается, что резко, в условиях кризиса, менять что-то в политической форме организации общества неразумно и непродуктивно. Логичнее попытаться найти альтернативу через уже упомянутую «макдональдизацию» и дать себе (речь о публичной власти) возможность купировать «ковидкризис». Но в будущем, на наш взгляд, этот момент должен стать переломным для переосмысления всего концепта западной демократии.

Таким образом, очевидно, что демократия как политический режим может быть неэффективна на кризисных этапах развития общества. Цифровая же демократия, предлагающая огромное количество возможностей в «мирное время», обеспечивающая процветание гражданского общества, прозрачность бюрократической системы, интеграцию населения в управление через повсеместный доступ к информации – эта же конструкция становится не просто не эффективной, но губительной в ситуациях, когда государству необходимо подключать жесткие авторитарные механизмы.

---

³⁹ Мыслители Греции. От мифа к логике: сочинения / сост. В.В. Шкода. Москва-Харьков, 1998. 832 с.

Глава 3. СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ КОДИРОВАНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДИНАМИКИ И ОБЩЕСТВЕННОГО СОГЛАСИЯ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ

Правовое регулирование искусственного интеллекта в период глобализации: тренды и перспективы*

О.И. Мирошниченко

Финансирование: Исследование выполнено при поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации и Экспертного института социальных исследований № FZUG-2022-013 “Социокультурное кодирование политической динамики и общественного согласия в цифровую эпоху: модели и технологии реализации”.

* Доклад представлен в рамках круглого стола «Социокультурное кодирование политической динамики и общественного согласия в цифровую эпоху: модели и технологии реализации» 11 октября 2022 г. <https://science.vvsu.ru/conference/research-activities/article/id/2150241035>

Очевидна цикличность развития человеческой цивилизации. И каждый эволюционный виток предполагает появление новых вызовов. Сначала это была неолитическая, потом – промышленная – революции, далее – возникновение ядерно-нуклеотидных технологий. Сегодня на первый план выходит то, что принято называть «цифровизацией». Настоящий доклад очевидно ограничен по формату и временным рамкам, поэтому мы не будем останавливаться на том прискорбном факте, что сам основной термин – «циф-

ровизация» – до сих пор четко не определен ни в научной, ни даже в околонучной литературе. Полагаем, что в разумнее в таком контексте было бы использовать доктрину «информатизации», но, повторимся, рассуждения на эту тему не являются важным в свете обсуждаемой тематики.

Итак, цифровизация стала очередным «вызовом» очередного витка развития цивилизации. Предоставив субъектам уникальные возможности и фактически уравнив весьма различные в финансовой обеспеченности категории, она одновременно стала катализатором деления общества на два категорично различных лагеря. Так, имея в руках всего лишь сотовый телефон (смартфон), а еще лучше персональный компьютер, сегодня человек автоматически получает доступ к практически всему информационному массиву, накопленному человечеством. При этом обозначенные технологические возможности практически закрыты для представителей старшего поколения в связи с малой информационной грамотностью. Таким образом, свобода одного стала объективно гораздо шире свободы другого. Причем, на первый взгляд, технологическое развитие на начальном этапе как раз стало катализатором наиболее полной реализации основных естественных прав человека. «Наконец-то!» – воскликнули представители либеральных структур. Незамедлительно последовало внесение изменений в базовые правовые акты. Так, например, в резолюции Совета по правам человека ООН от 3 июня 2011 г. право на доступ в Интернет было отнесено к числу основополагающих свобод человека в XXI веке; тенденция набирала обороты, создавались новые акты, фиксирующие «сетевые» права человека¹). Идеи о том, что «интернет способствует размыванию существовавших границ и иерархий...», «процесс получения информации сократился до нескольких

---

¹ Как Россия предлагает ООН обезопасить интернет // ТАСС. 1.11.2017 г. URL: <https://tass.ru/ekonomika/4672302>

кликов на странице браузера...»², «социальные медиа способствуют росту уровня гражданского самосознания»³, «...система публичного управления приобретает возможность принимать решения практически в режиме реального времени»⁴ и т.п., – стали очередным лозунгом приверженцев различного типа футурологических теорий правового развития. Открытые площадки для обсуждения наиболее актуальных политических и иных вопросов были заменены на онлайн-митинги, различного типа чаты и т.д. Создавалась яркая иллюзия того, что мы видим конец государства, названного когда-то Томасом Гоббсом «Левиафаном»⁵, а потом К. Марксом и Ф. Энгельсом⁶ «демоном», с жестким аппаратом принуждения, ограничивающего права человека ради интересов некой политической элиты. Казалось, что технологии – это тот самый ранее отсутствовавший инструмент для формирования реальной демократии, более не завязанной на государстве и формирующейся на базе народного и национального суверенитета для действительной реализации интересов людей.

---

² Азнагулова Г.М., Заманов А.Р. Влияние интернет-технологий на развитие гражданского общества в современной России // Аллея науки. 2019. Т. 1. № 5(32). С. 598.

³ Лозинская Е.В., Зубарева Е.Г. Интернет-коммуникации как инструмент политической борьбы и развития гражданского общества в XXI веке // Социально-экономические и гуманитарные науки: сб. статей. Санкт-Петербург, 2020. С. 56.

⁴ Зотов В.В., Захаров В.М., Сапрыка В.А. Цифровизация публичного управления: электронная демократия vs электронное правительство // Nomothetika: Философия. Социология. Право. 2021. Т. 46. № 2. С. 251.

⁵ Гоббс Т. Левиафан, или материя, форма и власть государства церковного и гражданского // Т. Гоббс. Сочинения. В 2-х т. Т. 2. Москва, 1991. 731 с.

⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 46. Ч. I.

Трансформация механизмов достижения общественного согласия в условиях цифровизации: подходы и интерпретации*

О.И. Мирошниченко

Финансирование: *Исследование выполнено при поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации и Экспертного института социальных исследований № FZUG-2022-013 “Социокультурное кодирование политической динамики и общественного согласия в цифровую эпоху: модели и технологии реализации”.*

* Доклад представлен в рамках круглого стола «Доверие к государственным институтам в цифровую эпоху: ментальные модели и типология рисков» 15 ноября 2022 г. <https://science.vvsu.ru/conference/research-activities/article/id/2150240993>

Принято считать, что не существует идеального политического режима, но если уж к таковому стремиться, то, очевидно, указанной «великой» целью должна стать классическая либеральная демократия. Настолько же «очевидным» в последнее время стало и то, что на сегодня главной миссией любого цивилизованного государства, и следовательно, основной целью деятельности его руководства, должна стать всеобщая глобальная цифровизация. Иными словами, предлагается оцифровать все, что только возможно, а что невозможно, каким-то неведомым образом суметь «переставить» на современные «цифровые» рельсы. Полагаем, что оба тезиса одинаково утопичны и – что гораздо важнее – одинаково губительны для развития общества.

Почему автор настоящего доклада позволяет себе столь немодные высказывания? Объясним свою позицию. Итак. Полагаем, что настоящей целью деятельности любого государственного аппарата должна стать наиболее полная возможная реализация потребностей граждан этого государства. А самое главное желание правотворцев – это соз-

дание таких нормативно-правовых актов, которые, с одной стороны, спокойно (хорошо бы, еще и с воодушевлением) исполнялись субъектами права, а с другой стороны, позволяли бы обществу эффективно развиваться. А теперь давайте посмотрим на вышесказанное. Где здесь хоть слово про необходимый политический режим или глобальную цифровизацию? Нет и не будет. По одной причине: мы путаем сущность и пути к ее достижению. Иными словами, цифровизация и политический режим – всего лишь инструменты, позволяющие обществу идти к намеченной цели.

Правотворчество и интерпретация права в условиях цифровой трансформации: проблемы и перспективы*

О.И. Мирошниченко

Финансирование: Исследование выполнено при поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации и Экспертного института социальных исследований № FZUG-2022-013 “Социокультурное кодирование политической динамики и общественного согласия в цифровую эпоху: модели и технологии реализации”.

* Доклад представлен на конференции, г. Петрозаводск, 2022 г.

Проблема опережающего правотворчества заиграла яркими красками в связи с цифровыми перспективами развития отечественной правовой системы. Очевидно, что цифровизация общественных отношений повсеместно делает право «статистом» на поле новой реальности. Фактически законодатель столкнулся с ситуацией, когда «латать дыры» приходится не в исключительных случаях, а на постоянной основе. И институты аналогии права и, в особенности, аналогии закона становятся уже не «инженерией чрезвычайной ситуации», а вполне себе обыденным инструментом правоприменения.

Полагаем, в отличие от многих исследователей, что цифровизация – отнюдь не временное явление, поэтому праву не нужно с ней бороться и «преодолевать», а необходимо встроиться в существующую парадигму. Считаем, что путь к этому лежит даже не через опережающее правотворчество, более того, этот путь как раз таки априори бесперспективен: мы просто фактически не можем предсказать ходы эволюции, что показывает практика последних лет. Но мы можем изменить методологию, встроив существующую правоинтерпретационную и правотворческую реальность в меняющуюся цифровую парадигму.

К вопросу о некоторых тенденциях цифровизации в сфере кадастра и картографии*

А.В. Дьяконова

Финансирование: Исследование выполнено при поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации и Экспертного института социальных исследований № FZUG-2022-013 «Социокультурное кодирование политической динамики и общественного согласия в цифровую эпоху: модели и технологии реализации».

* Доклад представлен в рамках круглого стола «Социокультурное кодирование политической динамики и общественного согласия в цифровую эпоху: модели и технологии реализации» 11 октября 2022 г. <https://science.vvsu.ru/conference/research-activities/article/id/2150241035>

В условиях новой правовой и политической реальности цифровизация как общемировой тренд преобразовывает все сферы общественных отношений. Земельные правоотношения, по своему содержанию довольно консервативные и нединамичные, не стали исключением. Так, например, на сегодняшний день становится очевидно, что в современном

земельном праве в условиях глобализации и развития информационных технологий вопрос об усовершенствовании цифровых ресурсов для автоматизации процессов управления имуществом больше не «цифровое излишество», а буквально правовая необходимость.

На наш взгляд, уже сегодня можно говорить о доступности некоторых технологичных решения назревших проблем в исследуемой области. Такой видится, например, технология 3D кадастра, позволяющая автоматизировать процесс визуализации архитектуры структурной сложности. Внедрение такой системы позволило бы решить целый ряд юридических вопросов: от автоматизации процессов закрепления юридических прав и законных оснований владения имуществом до снижения до минимума судебных разбирательств по вопросу его границ.

Для облегчения инкорпорации цифровых моделей в систему российского кадастра предпочтительны программные архитектурные решения, соответствующие стандартам ведущих юрисдикций в исследуемой области. В этом контексте сотрудничество со странами, где уже представлены пилотные проекты (например, проект 3D NL в Нидерландах¹), представляется весьма эффективным.

И здесь возникает первая и основная проблема: в контексте глубинной трансформации парадигмы восприятия системы управления под воздействием диджитализации, недоверия к действующим правовым и политическим инструментам государства, процесс частного межотраслевого сотрудничества становится не просто трудоемким, а практически невозможным.

---

¹ Vandysheva N., Tikhonov V., Oosterom P.V. 3D Cadastre modelling in Russia // Researchgate.net. URL: https://www.researchgate.net/publication/241886547_3D_Cadastre_modelling_in_Russia.

Общественное согласие в контексте цивилизационных вызовов (опыт пандемии COVID-19)*

А.В. Дьяконова

Финансирование: *Исследование выполнено при поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации и Экспертного института социальных исследований № FZUG-2022-013 «Социокультурное кодирование политической динамики и общественного согласия в цифровую эпоху: модели и технологии реализации».*

* Доклад представлен в рамках круглого стола «Доверие к государственным институтам в цифровую эпоху: ментальные модели и типология рисков» 15 ноября 2022 г. <https://science.vvsu.ru/conference/research-activities/article/id/2150240993>

Очевидно, что доверие и недоверие, согласие и несогласие общественных групп – категории мировоззрения. Точно так же как политические, личные и иные установки, общественное согласие и доверие не формируются спонтанно, но являются своеобразным ответом общества на политические и правовые реалии и действия властных структур. Иными словами, «эффекта» общественного согласия можно достичь только эволюционным путем с помощью компромисса института власти и общества.

В данном контексте уже сегодня можно отметить, что пандемия хоть и привнесла положительную динамику некоторым областям общественных отношений, в целом сыграла довольно неоднозначную роль в формировании и укреплении общественного согласия.

Речь идет не только о повсеместном усилении социального неравенства, доминирующем идентификаторе нестабильности общественного согласия, но и об открытом сопротивлении к доверию властным структурам.

---

* Доклад представлен на конференции, г. Пенза, 2022 г.

И здесь важно понимать следующее. Во всех мыслимых сценариях развития противоковидных мер (принятие или игнорирование), общественное неодобрение, безусловно, будет. Ведь либо государство подрывает репутацию «заботливого опекуна», либо вызывает недоумение отсутствием реагирования на возникающую опасность.

В связи со сказанным, на наш взгляд, общественный резонанс, вызванный государственными противоковидными мерами, связан не столько с характером самих ограничений, сколько с базовыми культурными доминантами, проявляющимися в архетипах общества.

К вопросу о некоторых цифровых аспектах систематизации права*

А.В. Дьяконова

Финансирование: Исследование выполнено при поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации и Экспертного института социальных исследований № FZUG-2022-013 «Социокультурное кодирование политической динамики и общественного согласия в цифровую эпоху: модели и технологии реализации».

Не вызывает сомнений тот факт, что бумажным носителям правового материала на замену пришли электронные, обладающие куда большим потенциалом ввиду упомянутых выше преимуществ. Интересно и то, что, если в России по сей день газеты-собрания законодательства являются полноправным источником официального опубликования правовой информации, то, например, в Республике Беларусь уже с 1 июля 2012 года единственным источником официального обнародования правовых актов, зарегистрированных в Национальном реестре правовых актов Республики Беларусь (система учета правовых актов), является Национальный правовой Интернет-портал

Республики Беларусь – основной государственный интернет-ресурс в области права и правовой информатизации. Таким образом, возможность приобретения и использования официальных нормативных документов сводится исключительно к совокупности конкретных фактов: технической оснащенности, что, в свою очередь, определяется преимущественно финансовым положением субъекта, а также наличием минимальных навыков и компетенций в сфере ПК.

Анализ исследований позволяет заключить, что цифровизация меняет многое, в том числе угрожает самому праву как регулятору и социальному явлению в том виде, в котором мы его знаем. Изменения, хоть и формальные, на первый взгляд, влекут за собой вполне естественные вопросы, требующие соответствующего реагирования. Так, например, массовое «потребление» справочных правовых систем как продукта цифровизации ставит перед законодателем уже сегодня следующие, самые очевидные, задачи: прежде всего определение статуса таких баз данных, возможности и необходимости их легализации, а вместе с тем и статуса самих электронных документов, решение вопроса о степени соответствия неофициальной электронной формы документа официальному оригиналу, о статусе разъяснений, всплывающих вместе с нормативным актом, создание превентивной политики в части ошибок отображения правовой информации, которые могут быть вызваны объективными закономерностями отображения текстов или программными ограничениями. Не менее важен вопрос и об органе, потенциально уполномоченном контролировать правильность и своевременность опубликования правовых актов, а также подтверждать их аутентичность в электронной форме. На эти и иные вопросы законодателю предстоит дать ответ в ближайшем будущем.

Конвергенция “реальных” и “виртуальных” инструментов конструирования общественного согласия*

А.Д. Уханов

Финансирование: *Исследование выполнено при поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации и Экспертного института социальных исследований № FZUG-2022-013 «Социокультурное кодирование политической динамики и общественного согласия в цифровую эпоху: модели и технологии реализации».*

* *Доклад представлен в рамках круглого стола «Доверие к государственным институтам в цифровую эпоху: ментальные модели и типология рисков» 15 ноября 2022 г. <https://science.vvsu.ru/conference/research-activities/article/id/2150240993>*

Одной из ключевых проблем конструирования общественного согласия в текущий момент с учетом влияния процессов цифровизации на общественную жизнь является проблема согласования (конвергенции) традиционных социокультурных установок, цифровых технологий и форматов взаимодействия в системе «Личность – Общество – Государство».

Магистральную линию развития составляют два разнонаправленных процесса.

В первую очередь, цифровая реальность вытесняет традиционные механизмы достижения общественного согласия, перенося «центр тяжести» политической коммуникации из реального мира, для которого характерна существенная опора на некоторые невербальные считываемые культурные коды, в виртуальный мир, взаимодействие внутри которого происходит исключительно посредством обмена информацией. Сюда же вписывается развитие новых форм социальной и политических мобильности, которые подменяются цифровыми и визуализированными способами

политической идентификации и формирования гражданско-политических сообществ, а также изменением механизмов достижения общественного согласия.

Обратно направленным процессом является конвергенция традиционных (социокультурных) моделей реагирования на политические изменения и общественные трансформации (в особенности, протекающие в условиях цивилизационных вызовов и сдвигов). В чрезвычайных ситуациях, когда нормальное течение общественно-политических процессов прерывается ранее непрогнозируемыми факторами. Например, в условиях пандемии COVID-19, а также в иных кризисных ситуациях первичными механизмами реагирования становятся как раз вносящие стабильность традиционные социокультурные установки, а не техногенные «модели будущего».

Таким образом, можно наблюдать различные трактовки, с позиций которых исследователи стремятся описать характер и направление трансформации общественно-политической реальности, испытывающей на себе влияние цифровизации. Не остаётся без внимания и проблематика достижения общественного согласия, которая анализируется либо через жесткое противопоставление традиционных и цифровых способов достижения общественного согласия, либо же мыслится через конвергенцию «реального» и «виртуального», каждое из которых хоть и вступает в некоторые противоречия, тем не менее в целом дополняют друг друга в политико-коммуникативном процессе достижения общественного согласия в системе взаимодействия «Личность – Общество – Государство».

Различать и дискриминировать: социокультурный подход к праву в контексте цифровизации*

А.Д. Уханов

Финансирование: *Исследование выполнено при поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации и Экспертного института социальных исследований № FZUG-2022-013 «Социокультурное кодирование политической динамики и общественного согласия в цифровую эпоху: модели и технологии реализации».*

* Доклад представлен в рамках круглого стола «Социокультурное кодирование политической динамики и общественного согласия в цифровую эпоху: модели и технологии реализации» 11 октября 2022 г. <https://science.vvsu.ru/conference/research-activities/article/id/-2150241035>

В современной юридической науке наибольшее внимание обращают на себя две основных тенденции. Во-первых, одной из ключевых исследовательских проблематик становится тема совершенствования правового регулирования общественных отношений, возникающих или изменяющихся под влиянием процессов цифровой трансформации общества. В связи с этим в исследовательское пространство юридической науки входит цифровизация, которая, с одной стороны, влияет на право, но с другой, – сама находится под его воздействием. Вопросы соотношения права и цифровизации рассматриваются различными специалистами, начиная от философов права и заканчивая представителями отраслевых юридических дисциплин, что является примером длительного отсутствия консенсуса внутри исследовательских областей юриспруденции.

Во-вторых, юридическая наука находится в состоянии обновления своего методологического инструментария. Весьма часто необходимость подобного обновления связывается с общим кризисом социогуманитарного знания. Так,

в отечественной теории права наблюдается значительный интерес к социокультурному подходу, в рамках которого предпринимается попытка связать представления о праве, его ценность и содержание с характером культуры, сложившейся в некотором обществе. Иными словами, представляется, что право является порождением определенного социума и культурной среды и несёт на себе отпечаток последних: «исходный принцип теории социокультурного подхода гласит, что коренные социокультурные изменения, связанные с заменой одной фундаментальной формы культуры другой, – события в истории человеческой цивилизации более важные и кардинальные, чем переход от монархии к республике (*политико-правовое измерение* – А.У.), от капитализма к коммунизму (*социально-экономическая составляющая* – А.У.), ибо самые коренные качественные трансформации в обществе происходят тогда, когда оно переживает основательную и эпохальную революцию в человеческой культуре»¹.

Попытка «совместить» в рамках одного исследования цифровизацию и социокультурный подход объединяет в себе два актуальных направления юридической науки – новый предмет познания и методологическую стратегию. Таким образом, предлагается приложить второе к первому, оставаясь при этом в границах юридического познания, что предполагает связь обоих переменных с правом.

Представляется, что цифровизация, а точнее её конкретный аспект, открывает новые предметные области для применения социокультурного метода к праву и позволяет доработать социокультурную методологию в пространстве юридической науки.

---

¹ Белякова Ю.Л. Социокультурный подход: этапы формирования и основные императивы // Государственное управление. 2011. № 29. С. 1–8.

Для того чтобы перейти к тем эвристическим выгодам и методическим следствиям, которые юриспруденция могла бы получить от процессов цифровизации, рассмотренных через призму социокультурного подхода, необходимо кратко охарактеризовать признаки сложившейся в теории права версии социокультурного подхода. В настоящий момент можно выделить несколько существенных признаков.

Во-первых, социокультурный подход весьма часто имеет полемическое знание, что достигается благодаря его сочетанию с комплексом идей о самобытности (уникальности, автономности, тотальности) той или иной цивилизации.

Во-вторых, социокультурный подход к праву отличается этатизацией, т.е. ориентированностью на государственно-организованное единство. Фактически в качестве социокультурного подхода выдается национально-культурная оптика, при этом нация понимается преимущественно в государственно-политическом смысле. Таким образом, «социальное» (а также «цивилизационное») отождествляется с «национальным», что соответствующим образом сказывается на эвристическом потенциале социокультурного подхода к праву и ограничивает его область применения.

В-третьих, социокультурный подход к праву весьма слабо ориентируется на социологическое правопонимание и совокупность идей, связанных с правовым плюрализмом (что абсолютно логично в свете обозначенной выше этатистской составляющей).

В-четвертых, следует отметить весьма слабую методическую разработанность сложившегося в юридической науке социокультурного подхода.

Можно выделить, как минимум, две грани соотношения цифровизации и социокультурного подхода к праву.

Во-первых, речь идёт о том социокультурном наполнении программ, виртуальных миров, машинных кодов и т.д.,

которое вкладывается в них разработчиками². Например, Европейский союз планирует выстроить практику применения искусственного интеллекта на таких принципах, как: «человекоцентричность, приоритет малого и среднего бизнеса в сфере ИИ, партнерство с частным сектором, риск-ориентированный подход к ограничению ИИ»³. Однако в этом случае речь идёт о выстраивании социокультурного ракурса «сверху», т.е. со стороны субъекта, имеющего определенные представления об институтах и ценностях определенного общества.

И, во-вторых, внедрение цифровых технологий и использование машинного обучения демонстрирует социокультурные установки «снизу». На наш взгляд, нагляднее всего это получается в случаях с дискриминацией. В данном случае речь не идёт об оправдании дискриминации как социального феномена, мы лишь указываем на эвристический потенциал подобных ситуаций.

В настоящий момент право понимается как явление, сущностно связанное с некоторым набором естественных прав, равенством и особой моделью рациональности. Например, в этой логике весьма часто воспроизводим «эмансипаторский аргумент», суть которого сводится к тому, что роботы со временем получают весь объем прав так же, как его когда-то получили рабы, третье сословие, чернокожие, женщины и т.д. Это случится, поскольку «вся

---

² Мамычев А.Ю., Гайворонская Я.В., Мирошниченко О.И. Современные доктринально-правовые и этические проблемы разработки и применения роботизированных технологий и систем искусственного интеллекта (на примере автономных необитаемых подводных аппаратов) // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. 2018. Т. 10. № 3. С. 135–150.

³ Европейский союз решил проиграть гонку по искусственному интеллекту // Закон.ру. 2021. 19 апреля. URL: https://zakon.ru/blog/2021/04/19/evropejskij_soyuz_reshil_proigrat_gonku_po_iskusstvennomu_intellektu

история права указывает на то, что каждое последующее расширение прав на новую общность прежде кажется немислимым. Мы склонны верить в то, что чьё-либо бесправие является естественным положением вещей, а не юридической конвенцией, действующей в поддержку определённого статуса-кво»⁴.

Однако именно социокультурный подход «расщепляет» единый правовой универсум на части. Наглядным свидетельством неоднородности «правовых миров» становятся факты дискриминации, наблюдаемые при использовании машинного обучения применительно к социальным отношениям. Более того, обнаруживается, что искусственный интеллект, обученный на определенном материале, начинает дискриминировать отдельные категории населения⁵.

Поэтому проблема дискриминации, понимаемая в научно-познавательном смысле, как представляется, предоставляет новый импульс для развития социокультурного подхода в рамках юриспруденции. В то же время, видится, что именно социокультурный подход к праву, вписывающийся в рамки социологического правопонимания, позволяет сделать рассматриваемые явления относимыми к предмету теории права.

---

⁴ Stone C.D. Should Trees Have Standing: Towards Legal Rights for Natural Objects Los Altos, CA: William Kaufmann, 1974.

⁵ Робот провалил тест на толерантность. Он оказался расистом и сексистом // Нож. URL: <https://knife.media/robot-racist/>

Постгуманистический тренд развития современных обществ: теолого-философский и политико-правовой аспект*

А.Ю. Мамычев

Финансирование: Доклад подготовлен в рамках грантового проекта Министерства науки и высшего образования Российской Федерации и Экспертного института социальных исследований № FZUG-2022-014.

Теолого-философские учения на протяжении долгой истории политико-правового развития во многом определяли основные, исходные аксиоматические элементы мировоззрения общества, фундаментальные характеристики политического, экономического и правового мышления, а также основные параметры (духовно-нравственные и ценностно-нормативные) социальной практики (требования, стандарты, формы общественного взаимодействия).

Данные мировоззренческие аксиомы воплощались в конкретных положениях о сущности (эссенции) и существовании (экзистенции) проникали в учения о человеке, праве, государстве, политике. Так, например, в прикладных метафизических учениях определялись и формулировались представление о человеке, его взаимодействии с окружающим миром, в рамках которых, например, обосновывалось достоинство личности и ее базовые (естественные) права, ставшие в последующем идейно-концептуальной и доктринальной основой прав человека. Или обосновывалась природа публичной власти, ее духовная и социальная сущность, назначение, достойные формы реализации и проч.

---

* Тезисы пленарного доклада. Всероссийская научно-теоретическая конференция с международным участием на тему: «Традиционные духовно-нравственные ценности в русской философии права и отечественной юриспруденции». 12.01.2023 г.

В XX веке основная направленность теолого-философских трактатов была ориентирована на гармонизацию веры и разума, религии и науки, достаточно важное внимание уделялось состоянию общества, его материальной, духовной, нравственной составляющим, интеграции естественно-научных, социальных и религиозных знаний (например, в феноменологических и эволюционных трактатах неотолизма).

В настоящее время теолого-философские трактаты посвящены представлению и обоснованию происходящих кардинальных изменений в мировоззрении и мыследеятельности человека, конструируемых новых реальностей и коммуникативных сред, радикальную смену социального мира и его взаимосвязь с иными измерениями существования человека.

Основные изменения сегодня происходят в плоскости конструирования принципиально новой реальности – цифровой, и новых коммуникативных сред человека, которые радикально меняют не только мировоззрение, но и самого человека, сущность которого начинает трактоваться не в контексте духовного и материального, а в аспекте новой цифровой природы человека, что меняет полностью и мировоззренческую и ценностно-нормативную структуры как традиционных, так и современных общественных систем.

Современные теолого-философские трактаты весьма активно выступают с критикой разрабатываемых новых аксиологических, онтологических и гносеологических оснований существования человека (или точнее постчеловека). Кратко поясним, в чем суть последних, на какие метафизические основания направлена критика современного теолого-философского дискурса.

Так, в рамках конструируемой новой *ценностно-нормативной системы* «снимается» дихотомия между духовным и материальным, последние становятся вторичными перед требованиями, стандартами, приоритетами новой технологической жизни человека и потребностями разви-

тия инновационных систем. Справедливо по этому поводу отмечает А. Гринфилд, что разнообразные технологии и алгоритмические решения, не столько качественно улучшают нашу жизнедеятельность, высвобождая время для наиболее важных и ценных форм жизни, сколько производят принципиально новый опыт, новые потребности, новые ценности, формируя постгуманистическую повседневность.

Последняя представляет собой среду, «где ритмы, с которыми мы сражаемся, обыденные пространства, которые занимаем, и материальные и энергетические потоки, которые поддерживаем, определяются не столько нашими потребностями, сколько потребностями систем, которые номинально служат нам, но для которых человеческое восприятие, соразмерные человеку масштабы и его желания больше не являются главными мерилami ценности. Этот постгуманистический поворот произведет глубокие изменения в среде, в которой мы живем и действуем»¹.

Эта новая постгуманистическая аксиоматика подменяет духовные и материальные ценности человека технологическими потребностями (энергетическим, событийными – поток данных и т.д.) цифровых систем и алгоритмических решений, от которых общество все больше и больше становится зависимым.

В аспекте формирования *«новой онтологии»* следует отметить, что теолого-философские трактаты ориентированы на критическое представление подмены социально-культурных и духовно-нравственных оснований общественных систем на виталистские и трансгуманистические мифы, идеи достоинства человека на идею нового субъекта истории (постчеловека, социального киборга, человек алгоритмический и т.д.).

---

¹ Гринфилд А. *Радикальные технологии: устройство повседневной жизни*. Москва, 2018. С. 248–249.

Здесь человек лишается божественного или какого-либо самостоятельного статуса, поскольку последний трактуется как система биологических алгоритмов и социальных стандартов, действуя главным образом на основании последних. С развитием современных цифровых систем и технологий больших данных человек теряет статус привилегированного/ведущего субъекта истории.

Цифровая деформация гражданской идентичности в современном политическом процессе*

А.Ю. Мамычев

Финансирование: Доклад подготовлен в рамках грантового проекта Министерства науки и высшего образования Российской Федерации и Экспертного института социальных исследований № FZUG-2022-014.

В каждую эпоху технология как феномен и процесс разворачивалась в нескольких проекциях: 1) инструментальная – история технологии, связанная с совершенствованием деятельности человека и улучшением его физических, чувствительных, духовных навыков, умений, расширяя рамки и повышая качество деятельности; 2) процессуальная – история технологии, связанная с развитием форм, способов и режимов функционирования (материальные и нематериальные, аналоговые и цифровые, и т.д.); 3) смысловая – история концептуализации, научного описания роли и значимости технологий в социальной жизнедеятельности общества; 4) отраслевая – история совершенствования методов, процессов, производственных объектов (на-

---

* Тезисы доклада. Международная шестнадцатая годовичная научная конференция Российско-Армянского университета, приуроченная к 25-летию основания РАУ 05.12.2022 г.

пример, появление и использование в технологическом развитии различных объектов – материалов и ресурсов, управленческих и производственных технологий и т.д.) в той или иной отрасли жизнедеятельности человека; 5) социокультурная – история технологии как социально-культурного феномена, изменение психологических и когнитивных установок, определяющих и характеризующих ту или иную технологию в качестве социокультурного феномена, параметры и рамки взаимодействия различных реальностей человеческой жизнедеятельности (физической, биологической, социокультурной, цифровой) и др.

Современное технологическое развитие смещает приоритет с социокультурных технологий на технологии цифровые. Здесь развитие цифрового пространства трансформирует *социокультурную идентичность человека* на виртуализированный набор цифровой активности, определяющей цифровой профиль пользователя, который и становится *новой формой идентификации личности*. Данное пространство ориентировано на формирование у пользователя отличных представлений, ценностей и правил взаимодействия, стимулируя определенные формы цифровой активности человека, их взаимодействия с реальными или виртуальными объектами, виртуальными контентом, цифровыми акторами, а также выработку определенных типов отношений к иным измерениям человеческого существования.

В рамках новой альтернативной реальности (цифровой реальности) изменяется и сам человек, происходит его *гибридизация*, т.е. одновременное присутствие человека в общественно-политической реальности и погружение (объективное), присутствие (субъективное) в цифровой симуляции. Или другой пример – выстраивание специфических симбиотических связей между человеческим (субъективным) сознанием, общественным (объективным) сознанием и электронными сетями (симулятивным). «Современные информационные

и коммуникативные технологии экстернизируют и в форме электроцепей *удваивают человеческую нервную систему*», что кардинально меняет наше субъективное восприятие и ощущение погруженности в мир (реальный и виртуальный), где «визуальные режимы репрезентации сменились сенсорно-нейронными режимами симуляции»¹. В рамках этой цифровой реальности происходит появление и новых симбиотических акторов – «социальных киборгов», которые становятся «господствующей социокультурной формой, целиком включенной в социальное производство, что влечет массу экономических и политических следствий»².

Концепт «киборг» позволяет разорвать связь между обществом, государством и социокультурной (нормативной) модели личности, заново переосмыслить и переопределить общественно-политическую онтологию. При этом традиционная триада интересов и потребностей личности – общества – государства в рамках новой цифровой общественно-политической онтологии сменяется на индивидуальный профиль пользователя – UPI (как источник данных и объекта алгоритмического управленческого воздействия), потребности развития технологических систем и траекторий развития новой социально-сетевой (роевой) структуры отношений.

Формируемая новая политическая онтология конструирует и новый объект властных отношений и техники властного господства. Так, если предшествующая эпоха в качестве объектов властного воздействия «видела» тело и душу человека (biopolitics), а в качестве основных властных техник использовала дисциплинарные формы господства и контроля (М. Фуко); то цифровая эпоха сводит последние к источнику поведенческих данных и биогенетической информации (zoepolitics).

---

¹ Брайдотти Р. Постчеловек. Москва, 2021. С. 173.

² Там же. С. 174.

Для развития общества в новых условиях принципиальное значения имеют не индивидуальные мотивы и интересы, а паттерны личного взаимодействия, масштабные поведенческие сценарии, поток и каналы распространения идей социально-сетевой структуры общества. «Социальная физика», по утверждению главного столпа этого нового научного направления, рассматривает человека в качестве источника данных и объекта алгоритмического управленческого воздействия (А. Петленд). Это воздействие основывается на системе машинных стимулов, посылаемых алгоритмами в социальную сеть, которые изменяют рамки восприятия, формируют требуемые потоки идей и образов, инструментально настраивают определенные поведенческие реакции.

К основным **направлениям и механизмам противодействия** данным негативным тенденция следует отнести следующее:

1. К числу первоочередных законодательных мер необходимо отнести фиксацию конкретных механизмов защиты прав, свобод и законных интересов человека в цифровой среде, закрепление основополагающих и особых (специальных) правовых режимов, регулирующих национальное цифровое пространство. Так, базовым правовым режимом должно стать безусловное право человека на личные данные, право свободно отклонить согласие на получение и передачу личных данных различным алгоритмам, цифровым платформам и т.д. Использование личных данных, цифровой активности и иных цифровых следов в машинном обучении, а также алгоритмическая обработка и построение цифровых профилей должно получать разрешение непосредственно у субъекта данной активности. При этом субъект должен обладать правом в любой момент отозвать данное разрешение и требовать «цифрового забвения».

2. В рамках частноправовых отношений должны быть зафиксированы ограничения использования личных данных цифровыми платформами, сервисами и т.п. В публич-

но-правовой сфере необходимо законодательно закрепить запрет целевой рекламы избирателей, сделанной машинами, использование автономных алгоритмов в рамках общественного обсуждения, агитации, массовой оценки социально значимых управленческих решений и т.д. Кроме того, необходимо расширение концепции социальной и юридической ответственности, а на законодательном уровне закрепление ответственности цифровых платформ и сервисов за контент, риски человека и общества от эксплуатации сквозных цифровых технологий.

3. В контексте совершенствования государственной правовой политики в сфере цифровой трансформации общества и технологического развития, необходимо:

а) целевое стимулирование развития гражданских институций, действенных механизмов и инструментов, обеспечивающих реальный социально-правовой контроль, мониторинг институтами гражданского общества стандартов (правовых, этических, технологических и др.) безопасной разработки, внедрения и эксплуатации цифровых технологий и алгоритмических решений в интересах человека и общества;

б) разработка стандартизированных алгоритмических систем, которые предустанавливаются в каждую систему искусственного интеллекта в обязательном порядке, который обеспечивает открытость и общедоступность информации о принятии тех или иных решений системой ИИ, выявляет дефекты последней (предубеждения систем и другие сбои) и сигнализирует о них;

в) создание механизмов обратной связи, с помощью которых граждане могут высказывать свои опасения или негативный опыт о тех или иных действиях цифрового сервиса (как государственного, так и негосударственного) и передавать свои предложения в органы государственной власти через общественные комиссии.

4. В рамках обеспечения защиты прав, свобод и законных интересов граждан в современном цифровом пространстве, а

также формирования правового режима противодействия фейковой и другой негативной информации, наносящей вред личности, обществу, государству, необходимы:

- конкретизация легальных дефиниций – «недостоверная информация», «ложная информация» и др., фиксация признаков данных общественно опасных деяний, форм юридической ответственности. Последующее принятие отдельного федерального закона о фейках и других формах злоупотребления правом на свободное распространение информации в сети Интернет;

- законодательная фиксация юридической ответственности цифровых платформ и сервисов за информационный контент, размещаемый на их ресурсах. Законодательный запрет использования автономных алгоритмических систем в публичной сфере, при принятии социально значимых решений (например, публичного обсуждения проекта НПА, в политической рекламе и т.д.);

- закрепление института цифровой идентификации личности, запрет анонимных комментариев и размещения постов, алгоритмическая (автоматическая) блокировка пользователей, не прошедших идентификацию (машинное право);

- законодательная фиксация властных компетенций государственных органов, ответственных за организацию и проведение мониторинга медиа-пространства, в полномочия которых входят правомочия требований по удалению контента, доказывание виновности, блокировка распространения информации и т.д.;

- разработка и принятие отдельного федерального закона, предметом которого стали бы цифровые права и обязанности граждан, принципы правового регулирования общественных отношений, опосредованных цифровыми агрегаторами, а также государственные гарантии защиты цифровых прав граждан.

Доверие к государственным институтам в цифровую эпоху*

А.Ю. Мамычев

Финансирование: Доклад подготовлен в рамках грантового проекта Министерства науки и высшего образования Российской Федерации и Экспертного института социальных исследований № FZUG-2022-014.

Проблематика доверия к государственным институтам является одной из ведущих в процессе эволюции политико-правовой организацией общества. Поэтому обращение к ней не только обусловлено фактом значимости этой проблематики для устойчивого и легитимного режима функционирования института государства и его органов в современной России, но и связано с беспрецедентным давлением на функционирование последних в контексте геополитических вызовов и цивилизационных рисков. Очевидно, что в ситуациях нестабильности внешнеполитической и внутривнутриполитической динамики, неуверенности в будущем, рискогенности развития системы государственной власти и политико-правового порядка доверие к государственным институтам является ключевым фактором стабилизации, основополагающей стратегией устойчивого развития личности, общества и государства, технологий проектирования и управления будущим. Как справедливо отмечал Н. Луманн, обеспечить доверие, по сути, означает предвосхитить будущее.

Поиск оснований стабильных и оптимально сконструированных властных отношений в любом национальном политико-правовом пространстве суть вечная проблема, включенная как в западный, так и в российский гуманитарный дискурс. В этом плане, выявление и ясное понимание

---

* Тезисы доклада. Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием «Развитие юридической науки в новых условиях: единство теории и практики». 28.10.2022 г.

места и роли доверия общества в целом, отдельных национальных и социальных, религиозных, творческих, половозрастных и иных групп населения к властным институтам, их деятельности, вектору проводимых ими изменений в государственно-правовой и социально-экономической, духовной и других сферах представляется не только актуальным, но и имеющим несомненное практическое отношение в условиях рискогенности последних десятилетий.

Любое значимое в разных своих измерениях решение отечественные властные институты и структуры могут и должны принимать, учитывая уровень доверия к ним, а соответственно, к их стратегии, способам решения назревших проблем граждан Российской Федерации, большинства социума, электората и т.п. Только в этом случае можно ставить и исследовать вопрос о легитимности национальной правовой политики в целом и отдельных ее направлений в частности. Трудно спорить и с тем, что легитимность является одним из значимых оснований формирующейся в постсоветский период и по настоящее время концепции эффективности деятельности государственной власти, а соответственно и таких ее проявлений, как эффективность российского управления и законодательства.

В свою очередь, кроме геополитических рисков и цивилизационных угроз в современной общественно-политической реальности важнейшим фактором, связанным со снижением уровня доверия к государственным институтам, являются системные искажения и сбои информационного пространства, которые становятся ведущей реальностью (цифровой реальностью), в которой освещаются, интерпретируются и разворачиваются реальные и виртуальные события и процессы. Расширение цифрового инструментария и информационных форм влияния сегодня ведёт к существенному повышению того, что мы называем «*информационным шумом*» и «*профильной реконфигурацией*» отношений, которые обуславливают процессы информационной перегрузки обще-

ственно-политического пространства и его качественной трансформации.

Данные эффекты будут обстоятельно проанализированы и спрогнозированы в рамках типологии рисков, в содержании настоящего исследовательского проекта. Заметим здесь, что интенсивное развитие интерактивных форм и средств порождает существенную перегрузку цифрового пространства, которая снижает эффективность как традиционных, так и инновационных форм гражданского участия. Примерами такой перегрузки выступает процесс, в котором «миллионы людей, часто плохо информированных, пытаются влиять на общественное мнение и правительства с помощью таких средств, как социальные сети или процесс распространения «избыточного потока информации и данных, которые существенно снижают какую-либо значимую активность, позицию, мнение» (из отчета Организации экономического сотрудничества и развития – OECD).

Эффект «профильной реконфигурации» общественно-политической коммуникации мы характеризуем как изменение «смысловой матрицы» в публичной политике, при котором происходит смена одного из ключевых концептов «социального актора» и его общественно-политической активности на концепт «пользователя сети» и его «индивидуализированную профильную динамику». Социальная активность постепенно сменяется профильной динамикой, измеримой не классическими социологическими методиками, а цифровыми инструментариями (сбор цифровых следов, маркеров и иной сетевой активности).

Именно поэтому в качестве одного из ключевых цифровых эффектов современной трансформации, по мнению подавляющего большинства экспертов, является системный кризис социального доверия к фундаментальным институтам, традиционным ценностям и нормам. Это ведёт к утрате всеобщего масштаба и общего смысла как в повседневной жиз-

недеятельности людей, так и на уровне институциональной организации общества (П. Штомпка). И если общественная система не может «втянуть» весь спектр «инноваций в масштаб традиции» (К. Чистов), то происходит крушение всеобщего каркаса и ценностно-нормативных требований (социокультурных императивов (Е. Маркарян).

В цифровой общественно-политической реальности создается ситуация, когда происходит *утрата общественного доверия* к традиционным политическим институтам и традиционным форматам политики, а многие политические феномены просто *исчезают в качестве значимых*. При этом, действующие автономные алгоритмические системы, с одной стороны, все активнее выступают инициаторами общественных дискуссий (например, массового обсуждения принятых властно-управленческих решений) и социальных акций (например, акции несогласных с существующей повесткой дня), которые реализуются не только в виртуальном пространстве, но и в дополненной и общественно-политической реальности. Кроме того, данные системы начинают консолидировать и реинтерпретировать общественно-политические явления, события, процессы, общественные смыслы и ценности, а также принимают активное участие в общественной оценке и принятии решений.

В рамках глобального цифрового тренда развития общественно-политической организации наметилась и другая устойчивая тенденция, связанная с делегитимацией государственной политики, деятельности конкретных государственных органов и структур (особенно в сфере контроля, мониторинга и регулирования разнообразных цифровых интеракций, разработке и принятии ограничительных норм, стандартов и требований), как препятствующий свободному развитию новой цифровой реальности взаимодействий. Негативный образ государственно-управленческой деятельности активно усиливает разработку альтернативных цифровых сервисов, ока-

зывающих более эффективно публичные услуги, традиционно являющиеся прерогативой государства.

Более того, мы становимся свидетелями слабо контролируемых со стороны государства и общества агрессивных атак негосударственных цифровых платформ на устойчивые формы общественного взаимодействия, смысл которых – монополизация публичных и частных сервисов, которые традиционно реализовывали, с одной стороны, государство, а с другой – институты гражданского общества. Например, так называемое «цифровое бегство от государства», т.е. настойчивое навязывание пользователю практики перевода всех своих официальных профилей, информации и сервисов с государственных платформ, на платформы частных корпораций, где создаются комфортные условия для любых форм публичного и частного взаимодействия (плата штрафов, подача заявлений, выдача кредитов, поддержка общественных инициатив и проч.). И, как следствие, высокая активность данных платформ поэтапно ведет к *снижению роли и социального значения* государства в реализации публичных сервисов, делегитимации традиционных общественно-политических институтов и структур.

В целом, это ориентация на отмену традиционной публичной политики, разрушение традиционного формата социального доверия и продвижение новой формы властного господства. Эта новая форма господства воспроизводит в цифровом формате «коллективистский архетип» общественно-политической мыследеятельности. При этом новый цифровой коллективизм формирует также: новых субъектов и драйверов исторического процесса (цифровых актантов и социальных киборгов (Р. Брайдотти); новые способы осуществления власти («дистантного господства» (Г. Шамаю) и «цифрового нормирования поведения»; новые формы неравенства (Дж. Баннет) и структуриации общества (К. Скиннер); новые формы собственности и критерии экономической полезности (К Шваб) и т.п.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

---

1. 17 сервисов, которые стали бесплатными на время карантина // Интернет-портал «Свойкировский.рф». – Текст: электронный. – URL: <https://kirov-portal.ru/news/podrobnosti/17-servisov-kotorye-stali-besplatnymi-na-vremya-karantina-30488/>.
2. Аграновская Е.В. О понятии и компонентах правовой культуры личности // Право и правотворчество: вопросы теории: сб. статей / отв. ред. В.П. Казимирчук. – Москва, 1982. – С. 76–83.
3. Азнагулова Г.М., Заманов А.Р. Влияние интернет-технологий на развитие гражданского общества в современной России // Аллея науки. – 2019. Т.1. – № 5 (32). – С. 596–600.
4. Алексеев С.С. Право: азбука – теория – философия. Опыт комплексного исследования / С.С. Алексеев. – Москва: Статут, 1999. – 712 с.
5. Теория государства и права / под общ. ред. С.С. Алексеева. – Москва: Норма, 2004. – 283 с.
6. Арановский К.В. Конституционная традиция в российской среде / К.В. Арановский. – Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс, 2003. – 658 с.
7. Атанесян Г. Коронаслежка: «Большой брат» как выход из карантина // BBC news. 12.04.2020. – Текст: электронный. – URL: <https://www.bbc.com/russian/features-52234723>.
8. Афанасьева Е. Приложения для отслеживания COVID-19 провалились. – Текст: электронный // Оста-

gon.media. – URL: https://octagon.media/mir/prilozheniya_dlya_otslezhivaniya_covid_19_provalilis.html.

9. Ахременко А.С., Петров А. П., Филиппов И.Б. Стабильность и выживание демократий: от гипотезы Липсета к производительности экономики // *Полития: Анализ. Хроника. Прогноз* (Журнал политической философии и социологии политики). – 2018. – № 3 (90). – С. 87–112.

10. Байниязов Р.С. Правосознание и российский правовой менталитет / Р.С. Байниязов // *Правоведение*. – 2000. – № 2. – С. 31–40.

11. Балюк Г.И. Взаимосвязь правовой культуры и социалистической демократии / Г.И. Балюк. – Киев: Изд-во ВЕХА, 1984. – 200 с.

12. Барлоу Дж.П. Декларация независимости киберпространства. – Текст: электронный. – URL: <http://www.zhurnal.ru/staff/gorny/translat/deklare.html>.

13. Бачинин В.А. Неправо (негативное право) как категория и социальная реалья // *Государство и право*. – 2001. – № 5. – С. 14–20.

14. Бородина М.И. Ментальная компонента правовой культуры (Социально-философский аспект): дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11. – Волгоград, 2004. – 145 с.

15. Бочаров В.В. Неписанный закон: Антропология права: научное исследование. 2-е изд. – Санкт-Петербург: АИК, 2013. – 328 с.

16. Быльева Д.С., Лобатюк В.В. Образ цифрового будущего общества через призму пандемии // *Философская мысль*. – 2021. – №2. – С. 11–23.

17. Вершинин А.А. Становление гражданского общества на западе: история и осмысление // *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. – 2014. – № 2. – С. 51–60.

18. Во Франции за две недели выписали 359 тысяч штрафов по карантину // РИА Новости. – Текст: электронный. – URL: <https://ria.ru/20200401/1569432479.html>

19. Гаврилова Ю.А., Фалалеева И.Н. Концептуально-правовые основы электронной России // Вопросы российского и международного права. – 2018. – Т. 8, № 12А. – С. 7–16.

20. Гайворонская Я.В. Концепция нормативности права в отечественном правоведении (Советский и постсоветский периоды): дис.... канд. юрид. наук: 12.00.01. – Санкт-Петербург, 2001. – 246 с.

21. Гайворонская Я.В., Мирошниченко О.И., Шакиров С.Ш. Тенденции и уроки антикризисного правового регулирования в период пандемии COVID-19 // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. – 2021. – № 2. – С. 634–662.

22. Гегель Г.В.Ф. Философия права/ пер. с нем.: ред. и сост.: Д.А. Керимов и В.С. Нерсесянц; авт. вступ. ст. и примеч. В.С. Нерсесянц. – Москва: Мысль, 1990. – 524 с.

23. Гранат Н.Л., Панасюк В.В. Правосознание и правовая культура // Юрист. – 1998. – № 11/12. – С. 2–8.

24. Гриценко Г.Д. Право как социокультурное явление (Философско-антропологическая концепция): дис ... д-ра филос. наук: 09.00.13. – Ставрополь, 2003. – 407 с.

25. Давид Р. Основные правовые системы современности / пер. с фр. и вступ. ст. В.А. Туманова. – Москва: Прогресс, 1988. – 496 с.

26. Дорошенко В.Л. Что такое право? // ЭКО: Всероссийский экономический журнал. – 2002. – № 3. – С. 120–137.

27. Забелина Н.А. Менталитет и ментальность / Н.А. Забелина // Теория языка и межкультурная коммуникация. – 2007. – № 1. – С. 19–25.

28. Закон КНР от 28.08.2010 г. «О народном посредничестве» (вступил в силу с 1 января 2011 года). – Текст: электронный. – URL: www.chinalawinfo.ru (дата обращения: 24.04.2020 г.).

29. Зеленов Е.В. Понятие «ценность» и становление ценностно-смысловых ориентаций старшеклассников, занимающихся художественно-эстетической деятельностью. – Текст: электронный. – URL: http://pravmisl.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=2100.

30. Зинковский С.Б. Правовые культуры: учеб. пособие. – Москва, 2007. – 153 с.

31. Иванников И.А. Концепция правовой культуры. – Текст: электронный. – URL: <http://www.law.edu.ru/article/article.asp?articleID=146904>

32. Ильин В.В. Аксиология / В.В. Ильин. – Москва: Изд-во МГУ, 2005. – 216 с.

33. Ильин И.А. О сущности правосознания / И.А. Ильин. – Москва: Парогъ, 1993. – 235 с.

34. Карташов В.Н. Теория правовой системы общества: учебное пособие. В 2-х т. / В.Н. Карташов. – Ярославль: Изд-во ЯрГУ, 2006. Т. 2. – 544 с.

35. Карташов В.Н. Юридическая деятельность: понятие, структура, ценность / В.Н. Карташов / под ред. Н.И. Матузова. – Саратов: Саратовский университет, 1989. – 219 с.

36. Клейменова Е.В. Правовая культура и ее стандарты в конституциях Российской Федерации / Е.В. Клейменова // Правоведение. – 2003. – №1. – С. 50–56.

37. Козлихин И.Ю. Право, закон и власть в современной России / И.Ю. Козлихин // Наш трудный путь к праву: материалы философско-правовых чтений памяти академика В.С. Нерсисянца. – Москва: Норма, 2006. – С. 62–75.

38. Кудрявцев В.Н. Социалистическое правовое государство / В.Н. Кудрявцев, Е.А. Лукашева // Коммунист. – 1988. – № 11. – С. 44–55.

39. Лозинская Е.В., Зубарева Е.Г. Интернет-коммуникации как инструмент политической борьбы и развития гражданского общества в XXI веке // Социально-экономические и гуманитарные науки: сб. избранных ста-

тей по материалам Международной научной конференции (Санкт-Петербург, декабрь 2019). – Санкт-Петербург: ГНИИ «Нацразвитие», 2020. – С. 54–56.

40. Лубский Р.А. Политический менталитет: методологические проблемы исследования: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.10 / Роман Анатольевич Лубский. – Ростов на Дону, 1999. – 206 с.

41. Малахов В.П. Мифы современной общеправовой теории: монография / В.П. Малахов. – Москва: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2013. – 151 с.

42. Малиновская Н.В. Особенности понимания права в Китае: проблемы совместимости с европейской концепцией // Современный ученый. – 2019. – №4. – С. 320–325.

43. Марк ван Хук. Право как коммуникация / Марк ван Хук. – Санкт-Петербург: Изд. дом С.-Петерб. гос. ун-та, 2012. – 288 с.

44. Марков С.М. Переговоры и медиация при разрешении трудовых споров: опыт КНР. Юридический процесс: теория и практика: сб. статей преподавателей, аспирантов, студентов юридического факультета / отв. ред. канд. юрид. наук, профессор В.Н. Ширяев; канд. юрид. наук, доцент Ю.Н. Лебедева. – Хабаровск: ХГАЭП, 2012. – С. 110–117.

45. Мартышин О.В. Проблема ценностей в теории государства и права / О.В. Мартышин // Государство и право. – 2004. – № 10. – С. 5–14.

46. Меняйло Д.В. Правовой менталитет: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Дмитрий Васильевич Меняйло. – Ростов на Дону, 2003. – 189 с.

47. Милль Дж. О свободе / пер. с англ. А. Фридмана // Наука и жизнь. – 1993. – № 11. – С. 10–15.

48. Мирошниченко О.И. Архетипическая составляющая права как основа дифференциации западной и восточной правовой традиции // Гражданин и право. – 2016. – № 1. – С. 41–48.

49. Мурунова, А.В. Правовая культура и правовая ментальность: проблема соотношения / А.В. Мурунова // Проблемы в российском законодательстве. – 2009. – № 3. – С. 194–197.

50. Мурунова, А.В. Российская правовая ментальность: проблемы и перспективы: монография / А.В. Мурунова. – Нижний Новгород, 2010. – 149 с.

51. Мыслители Греции. От мифа к логике: сочинения / сост. В.В. Шкода. – Москва: Эксмо-Пресс; Харьков: Фолио, 1998. – 832 с.

52. Неновски Н. Право и ценности / Н. Неновски. – Москва: Прогресс, 1987. – 248 с.

53. Нерсесянц В.С. Философия права: учебник для вузов / В.С. Нерсесянц. – Москва: ИНФРА-М; Норма, 1997. – 647 с.

54. Овчиев Р.М. Правовая культура и российский правовой менталитет: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Руслан Михайлович Овчиев. – Ростов на Дону, 2006. – 176 с.

55. Овчинников А.И. Самобытность российской правовой ментальности и методология ее осмысления в юридической науке / А.И. Овчинников // Северо-Кавказский юридический вестник. – 2003. – № 1. – С. 52–74.

56. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов. – Москва: Рус. яз., 1984. – 797 с.

57. Перунова В.Л. Теоретико-методологические и сущностные аспекты современной правовой системы России: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Виктория Леонидовна Перунова. – Тамбов, 2005. – 193 с.

58. Петручак Л.А. Правовая культура как детерминанта современного российского общества: монография / Л.А. Петручак. – Москва: Юриспруденция, 2012. – 400 с.

59. Петручак Л.А. Правовая культура современной России: теоретико-правовое исследование: автореф. дис. ...

д-ра юрид. наук. – Текст: электронный. – URL: <http://dissers.ru/avtoreferati-doktorskih-dissertatsii/a128.php>

60. Платон. Сочинения. В 4-х т. – Т. 3. Ч. 1 / под общ. ред. А.Ф. Лосева и В.Ф. Асмуса; пер. с древнегреч. – Санкт-Петербург: Изд-во С.-Петерб. ун-та; «Изд-во Олега Абышко», 2007. – 752 с. – Текст: электронный. – URL: <http://pavroz.ru/files/plato3.pdf>

61. Поляков А.В. Общая теория права и государства / А.В. Поляков. – Санкт-Петербург, 2001. – 460 с.

62. Поляков А.В. Общая теория права / А.В. Поляков, Е.В. Тимошина. – Санкт-Петербург: Издательский дом С.-Петерб. гос. ун-та; Изд-во юрид. факультета С.-Петерб. гос. ун-та, 2005. – 472 с.

63. Вопленко Н.Н. Правовая культура современной России / Н.Н. Вопленко // Правовая культура в России на рубеже столетий: материалы Всероссийской научно-теоретической конференции. – Волгоград, 2001. – С. 11–14.

64. Р. Эмерсон. Понятие менталитета. – Текст: электронный. – URL: http://kulturolog.slovaronline.com/M/324MENTALNOST_MENTALITET

65. Розанов В.В. Паскаль. – Текст: электронный. – URL: <http://vivovoco.rsl.ru/VV/PAPERS/ECCE/PASCAL.HTM>

66. Российская ментальность (материалы круглого стола) // Вопросы философии. – 1994. – № 1.

67. Рулан Н. Юридическая антропология / Н. Рулан / отв. ред. В.С. Нерсисянц. – Москва: Норма, 2000. – 310 с.

68. Сальников В.П. Правовая культура сотрудников органов внутренних дел / В.П. Сальников, А.И. Каплунов. – Санкт-Петербург: Изд-во С.-Петербург. ун-та МВД России, 2004. – 378 с.

69. Семитко А.П. Правовая культура социалистического общества: сущность, противоречия и прогресс: монография / А.П. Семитко. – Свердловск: Изд-во Уральского ун-та, 1990. – 176 с.

70. Сигалов К.Е. Идеино-ценностные основы формирования западноевропейского права // *Пространство и время*. 2015. – № 1-2 (19-20). – С. 24–31.

71. Сигалов К.Е., Мукиенко И.Н. Еще раз о загадках русской правовой культуры // *Пространство и время*. – 2016. – № 1-2. – С. 167–176.

72. Сигалов М.К. Общее и особенное в западноевропейской и мусульманской правовой культуре: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Михаил Константинович Сигалов. – Москва, 2006. – 184 с.

73. Синюков В.Н. Российская правовая система. Введение в общую теорию / В.Н. Синюков. – Москва: Норма, 2010. – 672 с.

74. Синюкова Т.В. Правовая культура: понятие, структура, соотношение национального и общечеловеческого / Т.В. Синюкова // *Правовая культура*. – 2009. – № 2 (7). – С. 6–17.

75. Смоленский М.Б. Правовая культура и идея государственности / М.Б. Смоленский // *Государство и право*. – 2009. – № 4. – С. 15–21.

76. Степанянц М.Т. Россия в диалоге культур Восток–Запад – Текст: электронный. – URL: http://dialog-kultur.ru/main.php-G=550500_000&ar3=200&ID=431220.htm. (дата обращения: 24.04.2020).

77. Страновой обзор: Опыт Франции в борьбе с COVID-19 // Официальный сайт Счетной палаты Российской Федерации. – Текст: электронный. – URL: https://ach.gov.ru/upload/pdf/%D0%A1%D1%82%D1%80%D0%B0%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D0%B9%20%D0%BE%D0%B1%D0%B7%D0%BE%D1%80_%D0%A4%D1%80%D0%B0%D0%BD%D1%86%D0%B8%D1%8F_%D1%80%D1%83%D1%81.pdf.

78. Тайлор Э. Первобытная культура / Э. Тайлор. – Москва: Политиздат, 1989. – 573 с.

-
79. Трикоз Е.Н. «Теневое право»: миф или реальность // Законодательство и экономика. – 2005. – № 1. – С. 32-40.
80. Франк С.Л. Духовные основы общества / С.Л. Франк. – Москва: Республика, 1992. – 510 с.
81. Фридмен Л. Введение в Американское право / Л. Фридмен. – Москва: Прогресс, 1992. – 286 с.
82. Фрэйджер Р., Фэйдимен Д. Теории личности и личностный рост. – Текст: электронный. – URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Psihol/freydjer/10.php
83. Цифровые технологии и кибербезопасность в контексте распространения COVID-19 // Официальный сайт Счетной палаты Российской Федерации. – Текст: электронный. – URL: <https://ach.gov.ru/upload/pdf/Covid-19-digital.pdf>.
84. Щелкунов М.Д. Общество в условиях пандемии: репетиция цифрового будущего // Вестник экономики, права и социологии. – 2020. – №2. – С. 192–196.
85. Элиаде М. Священное и мирское/ пер. с фр., предисл. и коммент. Н.К. Гарбовского. – Москва: Изд-во МГУ, 1994. – 144 с.
86. David Nelken. Using the concept of legal culture. – Text: electronic. – URL: <http://escholarship.org/uc/item/7dklj7hm#page-1>
87. Engdahl F.W. Lock S., This Is No Futuristic Scenario: Panic and the Post-Pandemic Future? – Text: electronic. – URL: <https://www.globalresearch.ca/lock-step-no-futuristic-scenario/5705972>.
88. Grossman L.K. The Electronic Republic: Reshaping Democracy in the Information Age. – N. Y.: Viking Penguin, 1995. 290 p.
89. Hebei court unveils program to expose deadbeat debtors // China daily.com. – Text: electronic. – URL: <http://www.chinadaily.com.cn/a/201901/16/WS5c3edfb8a3106c65c34e4d75.html>.

90. Kazuyuki Ichiba. A New ADR System in the Japanese Financial Industry // JCAA Newsletter. No. 27.

91. Kroeber A., Kluckhohn C. Culture. A critical review of concepts and definitions. Cambridge; Massachusetts, 1952.

92. Matthew Carney. Leave no dark corner. – Text: electronic. – URL: <https://mobile.abc.net.au/news/2018-09-18/china-social-credit-a-model-citizen-in-a-digital-dictatorship/10200278?nw=0&pfmredir=sm&fbclid=IwAR1-NkKQPSwzOHZ47TREN6wfnOqb6QLvEma-Esrohy6J3UMmNkKw9KjI2khM>.

93. Miller E. Missionary impossible: Pornhub offers free premium access to Italians struggling to get through coronavirus lockdown. – Text: electronic. – URL: <https://www.rt.com/news/-482948-pornhub-free-italians-coronavirus/>.

94. Naomi Mezey. Law as Culture. – Text: electronic. – URL: <http://scholarship.law.georgetown.edu/cgi/view-content.cgi?article=1310&context=facpub>

95. Peter G. Sack. Law and Custom: Reflections on the Relations between English law and the English Language. – Text: electronic. – URL: <http://kul.kiev.ua/doc/Comparative-LegalCultures.pdf>

96. Toffler O. The Future of Law and Order. Ecounter. Vol. 41. July 1973. № 1. P. 3–23.

97. Xinmei Shen. A WeChat program shows when people on a credit blacklist are near you. – Text: electronic. // Tech in Asia [site]. – URL: <https://www.techinasia.com/deadbeat-map-shows-people-financial-blacklist>

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	3
Глава 1. Правовой архетип и его место в правовой культуре общества.....	4
1.1. Научно-методологические основы исследования правовой культуры.....	4
1.2. Понятие и структура правовой культуры: философско-антропологический подход.....	26
1.3. Архетип как системообразующий элемент правовой культуры общества.....	43
Глава 2. Влияние правового архетипа как элемента правовой культуры общества на развитие постпандемийного мира.....	65
Глава 3. Социокультурное кодирование политической динамики и общественного согласия в цифровую эпоху.....	84
Правовое регулирование искусственного интеллекта в период глобализации: тренды и перспективы. <i>О.И. Мирошниченко</i>	84
Трансформация механизмов достижения общественного согласия в условиях цифровизации: подходы и интерпретации. <i>О.И. Мирошниченко</i>	87
Правотворчество и интерпретация права в условиях цифровой трансформации: проблемы и перспективы. <i>О.И. Мирошниченко</i>	88

К вопросу о некоторых тенденциях цифровизации в сфере кадастра и картографии. <i>А.В. Дьяконова</i>	89
Общественное согласие в контексте цивилизационных вызовов (опыт пандемии COVID-19). <i>А.В. Дьяконова</i>	91
К вопросу о некоторых цифровых аспектах систематизации права. <i>А.В. Дьяконова</i>	92
Конвергенция “реальных” и “виртуальных” инструментов конструирования общественного согласия. <i>А.Д. Уханов</i>	94
Различать и дискриминировать: социокультурный подход к праву в контексте цифровизации. <i>А.Д. Уханов</i>	96
Постгуманистический тренд развития современных обществ: теолого-философский и политико-правовой аспект. <i>А.Ю. Мамычев</i>	101
Цифровая деформация гражданской идентичности в современном политическом процессе. <i>А.Ю. Мамычев</i>	104
Доверие к государственным институтам в цифровую эпоху. <i>А.Ю. Мамычев</i>	110
Библиографический список	115

Научное издание

Под общей редакцией О.И. Мирошниченко

**РЕФОРМИРОВАНИЕ СИСТЕМЫ ПРАВОВЫХ
АРХЕТИПОВ В ПАНДЕМИЙНЫЙ
И ПОСТПАНДЕМИЙНЫЙ ПЕРИОД**

Монография

Редактор Л.Е. Стрикаускас
Компьютерная верстка М.А. Портновой

Подписано печать: 07.06.2023. Формат 60x84/16.
Уч.-изд. л. 10,00. Усл.-печ.л. 10,00
Тираж 500 экз. (1–50) Заказ 409

Издательство Владивостокского государственного
университета
690014, г. Владивосток, ул. Гоголя, 41
Отпечатано в ресурсном информационно-методическом
центре ВВГУ
690014, г. Владивосток, ул. Гоголя, 41

ISBN 978-5-9736-0702-9

9 785973 607029